

Эдит Несбит

ПЯТЕРО ДЕТЕЙ
И ОНО
ФЕНИКС И КОВЁР
ИСТОРИЯ
САМУЛЁТОМ

Золотая классика – детям!

Эдит Несбит

**Пятеро детей и Оно. Феникс
и ковёр. История с амулетом**

«Издательство АСТ»

1902-1906

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Несбит Э.

Пятеро детей и Оно. Феникс и ковёр. История с амулетом /
Э. Несбит — «Издательство АСТ», 1902-1906 — (Золотая
классика – детям!)

ISBN 978-5-17-153144-7

Эдит Несбит (1858–1924 гг.) – английская писательница, прародительница жанра фэнтези. Клайв Стейплз Льюис под впечатлением от произведений Э. Несбит написал свой знаменитый цикл «Хроники Нарнии». В книгу вошли три повести: «Пятеро детей и Оно», «Феникс и ковёр» и «История с амулетом». В них рассказывается о приключениях братьев и сестёр. Дети находят удивительное существо по имени Саммиэд. Он тысячелетиями живёт в песке и может выполнять по одному желанию в день. Принесёт ли детям счастье исполнение желаний? Во второй повести появляются настоящая птица Феникс и ковёр, который может перенести мальчишек и девчонок в любое место, какое пожелаешь! Только ставить задачи ковро нужно правильно, а то окажешься где-нибудь в подземелье или на крыше. И как оттуда выбираться? А в третьей повести детям предстоит найти вторую половинку амулета, ведь только целый амулет исполнит самое заветное желание братьев и сестёр. Одно на всех! Для этого детям предстоит отправиться в далёкое прошлое и разгадать тайны египетских фараонов и вавилонских цариц. Пересказ Ирины Токмаковой. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-153144-7

© Несбит Э., 1902-1906

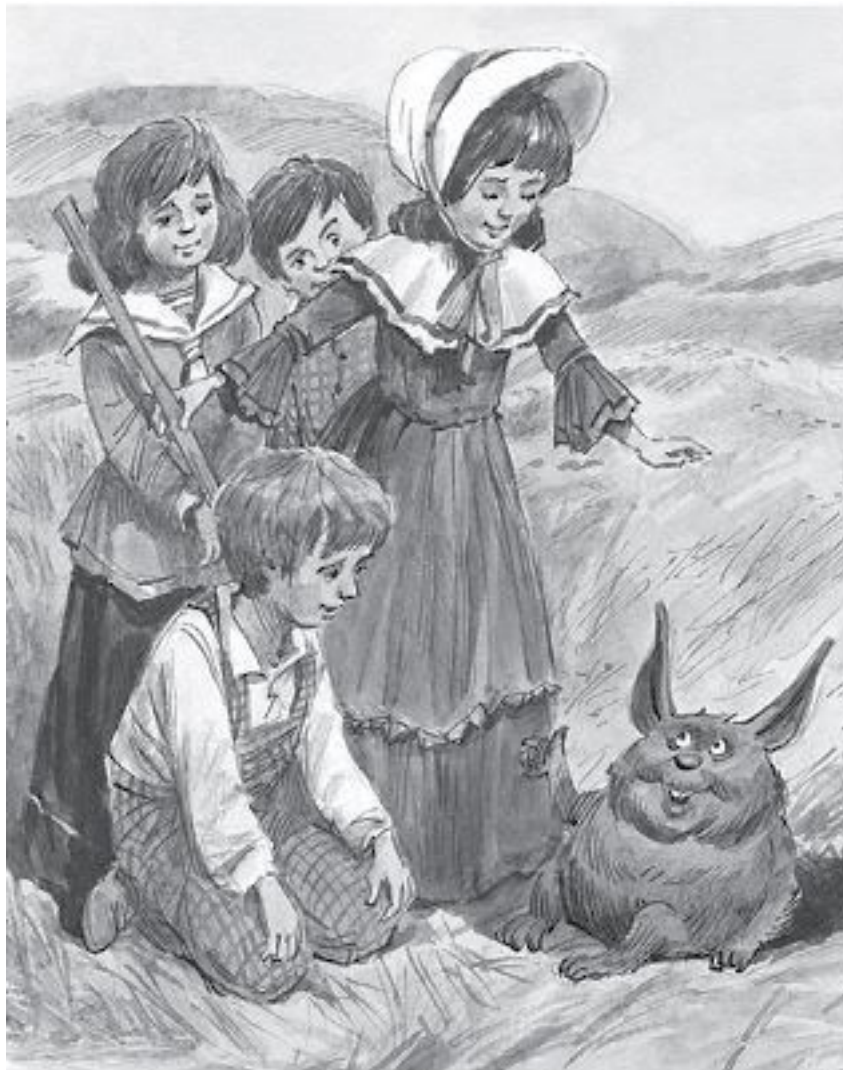
© Издательство АСТ, 1902-1906

Содержание

Пятеро детей и Оно	7
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	40
Глава седьмая	45
Глава восьмая	49
Глава девятая	56
Глава десятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эдит Несбит

Пятеро детей и Оно. Феникс и ковёр. История с амулетом

© Токмакова И. П., пересказ, насл., 2022

© Челак В. Г., ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пятеро детей и Оно

Глава первая Красавцы и красавицы

От станции до дома предстояло преодолеть по крайней мере три мили.

Мама наняла старую дребезжащую, здорово пропылённую карету. И не успела эта самая карета отъехать от станции, как ребята принялись высовываться из окошка и каждую минуту приставать:

– Ну, скоро?

– Мы уже подъезжаем?

Но где там! Они ещё и пяти минут не проехали! Как только в стороне от дороги показывался какой-нибудь домик, они тут же кричали хором:

– Это он? Мы уже на месте?

Но это были всё чужие дома.

Лошадка не спеша трусила по дороге. Дорога стала помаленьку взбираться на холм, обогнула меловой карьер. Карета, последний раз скрипнув и дёрнувшись, остановилась. Их взорам предстал дом, белый и приветливый, окружённый густым зелёным садом. Мама сказала:

– Ну вот, прибыли.

– Какой белый-белый домик! – обрадованно воскликнул Роберт.

– А розы-то, розы! – подхватила Антея.

– А сколько на ветках слив! – углядела Джейн.

– Тут симпатично, – вывел своё заключение Сирил.

И даже малыш проговорил:

– Хатю гуать топ-топ.

Всем разом захотелось вылезти из кареты. Дверца распахнулась, и возле неё образовалась куча мала. Только мама вела себя спокойно и никуда не спешила. Она медленно ступила на подножку, спустилась на землю и, вот интересно, вовсе не помчалась вслед за детьми в заросли шиповника и чертополоха, мимо сломанных ворот и пересохшего фонтана, сначала расплатилась с извозчиком, а после стала приглядывать за тем, как в дом вносили упакованные в картонные коробки вещи.

По правде говоря, дом был как дом, даже и не особенно красивый, а мама считала, что он не очень-то удобный: на кухне почти не было полок, где бы можно было разместить посуду, да и толкового шкафа тоже не было. А папа говаривал, что вообще-то этот дом приснился архитектору в ночном кошмаре.

Но что бы там ни было, дом этот стоял в стороне от всякого жилья. Кругом был такой простор! Детям же, которые не выезжали из Лондона последние два года ни к морю, ни куда-нибудь на экскурсию в лесочек, этот белый домик показался волшебным замком, построенным посреди земного рая. А что Лондон? Он для детей всё равно что тюрьма. Особенно если их родители люди небогатые. Ну и что из того, что там есть театры и всякие магазины; если дома денег в обрез, то и в театры не походишь, и в магазинах особенно не раскупишься. В большом городе нет ни песочка, на котором позволяют поваляться без всякого ущерба для здоровья, ни деревьев, на которые разрешается влезать, ни леса, где можно погулять, ни лужочка, где сумеешь набегаться всласть. В городе всё каких-то не тех очертаний: улицы такие прямые, такие скучные, деревья подстриженные, как неживые. Вот почему в большом городе дети часто

бывают озорные и непослушные. Они и сами не понимают почему, и папы, и мамы, и тётки, и дяди тоже не догадываются.

Дети успели обследовать и сад, и разные там постройки до того, как их загнали в дом, велели умыться и почиститься с дороги, прежде чем сесть за стол.

Ребята решили, что им здесь будет очень хорошо. Им так показалось и с самого начала, но окончательно они в этом убедились, когда увидели у задней стены дома кусты жасмина, все обсыпанные белыми цветами, которые пахли как самые дорогие духи, и лужайку, всю покрытую густой зелёной травой, а не порыжелой, как в Лондоне, а к тому же ещё обнаружили на чердаке конюшни сохранившуюся там огромную охапку душистого сена. Тут ни у кого не осталось ни малейших сомнений. И уж совсем стало ясно, какая прекрасная жизнь их ожидает, когда Роберт нашёл поломанные качели, свалился с них, набив на лбу шишку величиной с куриное яйцо, а Сирил прищемил палец дверцей старой кроличьей клетки.

А самым замечательным было то, что тут не было никаких запретов: «Туда не наступай», «Туда не ходи», «Это не трогай». Ведь в Лондоне как? На всём как бы наклеены ярлыки: «Запрещено», «Не разрешается», «Не позволено». Ну, правда, ярлыков этих не видно, они как бы мысленные, но всё равно вы о них знаете, а если забыли, то вам быстренько напомнят.

Их белый домик стоял на вершине холма, за домом тянулся лес, с одной стороны холма был меловой карьер, а с другой – песчаный.

У подножья холма расстилалась долина, на ней располагались какие-то странные постройки. Там люди обжигали известь, а недалеко высился красный кирпичный дом – в нём варили пиво. И ещё какие-то домики виднелись рядом с пивоварней. Когда на закате дымили высокие трубы, то над долиной стелился золотой туман, и тогда в лучах заходящего солнца все постройки казались неким волшебным городом из сказок «Тысячи и одной ночи».

Много ещё чего можно было бы поведать об этих удивительных местах. Но лучше я вам расскажу, как дети, ровно через неделю по приезде, обнаружили волшебное существо. Оно называло себя феей, хотя на фею было ну решительно не похоже. Во всяком случае, нисколько не напоминало тех фей, о которых вы слышали, читали или видели в книжках на картинках. А дело было так.

Папе срочно понадобилось по делам уехать в город. Мама решила навестить бабушку, которой слегка нездоровилось. Оба торопливо попрощались с детьми и уехали. Дома сразу сделалось как-то пусто и одиноко. Дети слонялись из комнаты в комнату, тупо глядя на обрывки верёвок и обёрточной бумаги, которые ещё не успели убрать после того, как распаковали привезённые из города вещи. Они никак не могли придумать, чем бы им заняться. Наконец Сирил предложил:

– Послушайте-ка, давайте пойдём в песчаный карьер. Возьмём с собой лопатки и будем что-нибудь строить из песка. Мы вообразим, как будто мы находимся на морском берегу. Пошли, а?

– Папа как раз и говорил, что тут когда-то было море, – вспомнила Антея. – Он сказал, что в песке попадаются раковины, которым больше чем по тысяче лет.

И все вместе тронулись в путь. В первые дни они только к самому краешку карьера подходили, но не спускались ещё ни разу. Папа всё равно бы, наверное, не разрешил. У них хватило благоразумия не спускаться по отвесному косоугору, они спокойненько сошли вниз по дороге, по которой обычно на телегах возили песок.

Каждый из них нёс свою лопатку, а к тому же они ещё по очереди тащили на руках Ягнёнка – так иногда называли малыша, потому что самое первое слово, которое он произнёс, было «Б-е-е-е». А Антею они иногда звали Пантерой. Оно кажется нелепым, когда читаешь, а когда произносишь её имя, то вроде бы и похоже.

Песчаный карьер был очень глубоким. Наверху по краям росла трава и какие-то голубые и жёлтенькие цветочки. Он напоминал великанский таз, в котором великан мыл руки. В крутых

склонах карьера виднелись маленькие дырочки. Это как бы парадные двери, ведущие в гнёзда ласточек-береговушек.

Ребята как задумали, так и сделали: все вместе построили песчаный замок. Но одно дело, когда строишь замок на морском берегу. Потому что там накатывает волна, и утаскивает весь этот замок в море, и окатывает тебя морской пеной. Это бывает так весело.

Сирил хотел было начать копать пещеру, чтобы играть в контрабандистов, но все засомневались – а вдруг эта пещера обрушится и засыплет их, так что и не выбраться живыми. Дело кончилось тем, что ребята решили прокопать проход аж до самой Австралии. Там ведь, наверное, мальчишки и девчонки ходят вверх ногами, как мухи по потолку, головами вниз.

И вот они стали копать, и копать, и копать, и лица у них покраснелись, и со лба бежали струйки пота, и они все перемазались в песке. Ягнёнок попытался попробовать песок на вкус, решив, видно, что это песок сахарный. Потом он горестно разрыдался, обнаружив, какая это гадость. Наплакавшись, он уснул, свернувшись калачиком во дворе недостроенного замка. Теперь они получили возможность работать ещё старательнее. Скоро тоннель, ведущий в Австралию, стал таким глубоченным, что Джейн, которую для краткости называли Кисой, попросила, чтобы они лучше покончили с этим делом.

– Представьте себе, что мы свалимся на голову бедным маленьким австралийцам, и песок запорошит им глаза.

– Ага, – согласился Роберт, – и они при этом могут так на нас разозлиться, что забросают нас камнями и не позволят посмотреть на кенгуру, на опоссумов, на страусов эму и на всё прочее, такое австралийское-австралийское.

Сирил и Антея знали, что Австралия вовсе не так близко, но и они согласились отложить лопаты и стали разгребать песок просто руками. Это было вовсе не трудно, потому что песок на дне вырытой ямы был совсем мелкий и сухой, как песочек на приморском пляже, и в нём попадались мелкие морские ракушки.

– Надо же, – заметила Джейн, – видно, тут и впрямь когда-то было настоящее море, в нём плескались волны, плавали морские угри, и прочие рыбы, и русалки...

– И ещё на дне лежали потонувшие корабли и испанские каравеллы, в чьих трюмах было полно сокровищ, – добавил Сирил. – Хотел бы я найти золотой дублон или ещё какую-нибудь старинную монетку.

– А куда же подевали море? – с недоумением спросил Роберт.

– Ну не ведрами же его вычерпали, дурачок, – пошутил старший брат. – Папа говорил, что земле под морским дном стало чересчур жарко, ну, знаешь, как тебе бывает иногда жарко под одеялом во сне, и ты высунешь плечо, и одеяло с тебя соскочит. Вот так и земля высунула плечо, и море с неё соскользнуло. А плечо так и осталось торчать и стало сушей. Пошли-ка лучше поищем раковины. Вон в той пещерке, кажется мне, их должно быть много. И что-то там торчит, похожее на якорь затонувшего корабля. А здесь, в этой австралийской яме, жуть как жарко.

Все с ним согласились. Только Антея продолжала выгребать песок руками. Она любила заканчивать однажды начатое дело. Ей казалось, что это позор – так и не добраться до Австралии. Решили так уж решили!

Указанная Сирилом пещера всех быстро разочаровала. Во-первых, там не оказалось никаких ракушек, а во-вторых, предполагаемый якорь обернулся просто черенком сломанной кирки. Им даже пришлось в голову, что песок, который не расположен на морском берегу, вызывает страшную жажду, и они уже стали подумывать, не вернуться ли домой и не попить ли лимонадику, когда Антея вдруг закричала истошным голосом:

– Сирил! Скорей! Быстро беги сюда! Оно живое! Оно может исчезнуть! Ну скорее же!

Все кинулись назад к австралийской яме.

– Я не удивлюсь, если «оно» окажется крысой, – сказал Роберт, – папа говорил, что они так и кишат во всяких старых местах. А уж на что старше, если море тут было больше тысячи лет назад.

– А вдруг это змея? – передёрнула плечами Джейн.

– Давайте поглядим, – отважно бросил Сирил, прыгнув в яму. – Я не боюсь змей. Они мне даже нравятся. Если это змея, то я её приручу, и она будет всюду ползать за мной по пятам, а ночью будет со мной спать, обернувшись вокруг моей шеи.

– Ничего подобного не будет! – возмутился Роберт, потому что спальня у них с Сирилом была одна на двоих. – А если это крыса, тогда, так уж и быть, бери её себе.

– Кончайте говорить глупости, – оборвала их Антея. – Никакая это не крыса. И уж тем более не змея. Оно большое. У него есть лапы, и к тому же оно всё обросло шерстью. Уберите лопаты, вы можете сделать ему больно. Копайте руками.

– Ага, чтобы Оно сделало больно мне, да? – возразил Сирил, берясь за лопату.

– Я тебе говорю, не надо, – настаивала Антея. – Хотите верьте, хотите – нет, но Оно что-то сказало.

– Что сказало?

– Оно попросило: «Оставьте меня в покое».

На это Сирил заметил, что, видно, его сестрёнка перегрелась на солнышке. Оба брата взялись за лопаты и стали разрывать песок. Антея так и подпрыгивала, сидя на краю ямы: так она волновалась. Правда, мальчишки копали довольно осторожно, и вскоре все увидели, что на дне австралийской ямы что-то ворочается.

Антея потеряла терпение.

– Я не боюсь, давайте я его сама откопаю! – крикнула она, прыгнув на дно ямы. Она стала разгребать песок ладошками, быстро-быстро, как это делает собачка, вспомнившая, куда она спрятала косточку. – Я дотронулась до меха! – вскричала Антея, смеясь и плача одновременно. – Правда-правда!

В ответ на это со дна ямы донёсся странный, слегка скрипучий голос, отчего они все в страхе отскочили подальше:

– Оставьте меня в покое.

– Но нам бы на тебя хоть взглянуть, – отважился сказать Роберт.

– Нам так хочется, чтобы ты показался, – добавила набравшаяся храбрости Антея.

– Ах так! Вы этого желаете? Тогда ладно, – послышалось в ответ.

Песок зашевелился, стал осыпаться, и некто коричневый, пушистый и кругленький выкатился на дно ямы. Он передёрнул шкуркой, отряхиваясь от песка, и сел, позёвывая и протирая глаза.

– Кажется, я поспал, – произнесло это странное существо, почёсываясь.

Дети стояли на верху ямы, с удивлением разглядывая его. И было на что посмотреть! Оно тоже в ответ глядело на них своими странными глазками, которые то вытягивались, точно рожки у улитки, то складывались, точно подозрительная труба. Ушки его напоминали лопухие уши летучей мыши, туловище, плотное и круглое, как у паука, было покрыто густым мягким мехом. Лапки его напоминали обезьяньи ручки и ножки и тоже заросли густой шерстью.

– Что это? – с изумлением воскликнула Джейн. – Чьё это существо? Мы что, возьмём его с собой?

Неизвестное существо обратило свои странные глаза на Джейн и спросило:

– Она что, всегда у вас несёт чужую или это дурацкая шляпа так действует ей на мозги?

И Оно с презрением оглядело шляпу, которая была украшена тряпчочными цветочками.

– Да нет же, она ничего такого не имела в виду, – сказала Антея примирительно. – Вы не бойтесь, мы ничего дурного вам не сделаем.

– Это ты говоришь мне? – возмутилось Оно. – Мне – не бояться? Подумать только! Ты говоришь со мной так, как будто я вообще – никто.

У него вся шерсть стала дыбом, как у кошки, когда она злится.

– Простите, – сказала Антея ласковым голосом, – если бы мы знали, кто вы, мы бы не сказали ничего такого, что может вас рассердить. Всё, что мы говорим, вас почему-то сердит. Кто вы? Только не сердитесь, пожалуйста. Мы и вправду не знаем.

– Не знаете? – сказала Оно. – Да, я догадывался, что мир сильно изменился. Вы серьёзно, увидев Саммиэда, не можете его узнать?

– Саммиэд? Ну, это непонятно, как греческий язык, – сказал Сирил.

– Это и есть греческий, – резко отозвался их новый знакомый. – Ну, если сказать на понятном языке, это значит «песчаная фея». Неужели вы тут же не узнаете песчаную фею, когда встречаетесь с ней?

– Конечно, конечно, мы вас узнали, – поспешила успокоить его Джейн. – Это сразу становится ясно, когда к вам присмотришься.

– Знаю я, как ты меня узнала. Слышал.

И тот, что назвался Саммиэдом, стал быстренько снова зарываться в песок.

– О пожалуйста, ну пожалуйста, не уходите от нас! – воскликнул Роберт.

– Побеседуйте с нами ещё немножко. Простите, что я не знал, что вы песчаная фея – Саммиэд. Но мне ясно одно: я не встречал ни разу в жизни такое удивительное, необыкновенное создание.

Их новый знакомый после этих слов вроде бы немного подобрел.

– Я не прочь побеседовать с вами, если вы будете вести себя прилично. Возможно, я и отвечу на ваши вопросы. А может быть, и нет. Посмотрим. Ну, так что вас интересует?

Ребята слегка растерялись. Только Роберту кое-что пришло в голову, и он тут же выпалил:

– Вы тут давно живёте?

– О, сотни лет! – ответил Саммиэд.

– Расскажите нам, пожалуйста.

– Обо всём этом вы можете прочитать в книжках.

– Но о вас-то ведь там ничего не пишут! – воскликнула Джейн. – Поведайте нам о себе.

Мы о вас ничего не знаем, а вы такой симпатичный!

Саммиэд погладил лапкой свои лохматые баки и расплылся в улыбке.

– Пожалуйста, расскажите! – попросили все хором.

Оно втянуло свои глаза, и ребята услышали:

– Однако как прекрасно светит солнышко, прямо как в былые времена. А откуда вы теперь берёте мегатериев?

– Чего? – закричали дети, забывая, что так спрашивать совсем даже и невежливо.

– А птеродактилей в теперешнее время достаточно?

Ребята растерянно молчали.

– Ну а на завтрак-то вы что едите? – спросил Саммиэд, слегка теряя терпение. – Кто вас кормит?

– Мама. Она готовит на завтрак яичницу с беконом, и ещё мы пьём молоко и едим хлеб с маслом. А этих мега-как-их-там или птеро-чего-то, разве ими завтракают?

– В мои времена почти каждый хотел иметь на завтрак птеродактиля. Особенно если его хорошенько прожарить. В прежние времена мир был густо населён песчаными феями. И они умели выполнять желания. И вот люди посылали ребятшек на встречу с песчаной феей и поручали им пожелать птеродактиля или мегатерия. Птеродактиль – это такой зверь, полуптица и полукрокодил. А мегатерий – мегатерий он огромный, почти что со слона, мяса на нём – ой как много! А если кто хотел рыбки, то просили ихтиозавра.

– Должно быть, после трапезы оставались целые горы холодного мяса, – заметила Антея, которая в будущем обещала сделаться рачительной хозяйкой.

– О нет, – возразил Саммиэд. – Всё, что оставалось, после захода солнца превращалось в камень. До меня доходили слухи, что до сих пор люди находят окаменелости.

– Откуда вам это известно? – спросил Сирил.

Этот вопрос почему-то рассердил Саммиэда, и он начал снова поспешно зарываться в песок.

– Ой, нет, нет, – дружно закричали все. – Не уходите. Расскажите, как вы жили раньше. Вы жили в песке, как сейчас?

– Нет. Тогда дети приходили к нам со своими кремнёвыми лопатками и строили для нас песчаные замки. В них мы и жили до какого-то времени.

– А что же случилось потом? Почему вы больше не стали жить в этих замках?

– О, это весьма печальная история, – мрачно отозвался Саммиэд. – Мало им было выстроить замки, так они ещё начали окружать их рвами. А море вздумало наполнять эти рвы водой. Но песчаные феи совершенно не выносят сырости. От сырости они стали болеть и умирать. И вот их становилось всё меньше и меньше.

– А вам тоже пришлось вымокнуть? – поинтересовался Роберт.

Саммиэд вздрогнул от одного только воспоминания.

– Да. Один раз я намочил волосок в моей левой бакенбарде. Это до сих пор чувствуется в сырую погоду. Но я не стал дожидаться. Как только я подсушил свой волосок на солнышке, я отошёл как можно дальше от моря, вырыл себе дом в тёплом и сухом песочке, с тех пор я там и живу. А потом и море убралось отсюда. Ну вот я вам всё рассказал, а теперь довольно.

– Пожалуйста, ответьте ещё всего на один вопрос, – стали упрашивать дети. – Вы по-прежнему умеете исполнять желания?

– Ну, конечно. Разве я не исполнил ваше желание несколько минут назад? Вы пожелали, чтобы я к вам вышел, что я тут же и выполнил.

– А ещё одно можно?

– Ну, хорошо. Только быстро, а то я уже устал.

Но в один момент никто ничего не сумел сообразить. Только Антея вспомнила про одно желание, которое они как-то обсудили с Джейн и о чём они никогда не говорили мальчишкам.

– Ну? – торопил их Саммиэд.

– Мне бы хотелось, – поторопилась ответить Антея, – чтобы мы все стали красавцами и красавицами.

Ребята посмотрели друг на друга, но не заметили ни малейшей перемены.

Саммиэд поднапружился, вытаращил глаза и, надувшись, увеличился в размерах по крайней мере вдвое. Потом он выдохнул воздух и сказал огорчённо:

– Ничего не получается... Я совсем, должно быть, разучился.

– Ну, пожалуйста, ну попробуйте ещё раз, – стали упрашивать его ребята.

– Дело вот, вероятно, в чём: надо, чтобы все разом захотели одно и то же. Ваши желания совпадают?

– Да! Да! – поспешили заверить его Антея и Джейн.

Мальчики молча кивнули. Они попросту не верили, что Оно сможет сделать их красавцами. А Саммиэд выпучил глаза ещё больше и стал раздуваться, раздуваться, раздуваться.

– Ой, а у него ничего не заболит? – спросила Антея.

– Как бы у него кожа не лопнула, – забеспокоился Роберт.

Наконец Саммиэд выдохнул воздух и уменьшился до своих обычных размеров.

– Фу-у! – сказал он, переводя дух. – Завтра уже будет полегче. Ладно. Пока.

Он стал быстро разгребать песок и скрылся из виду. Дети посмотрели друг на друга, и каждый с удивлением увидел, что рядом с ним находятся трое каких-то незнакомцев необычайной красоты. Все некоторое время ошарашенно молчали. Антея заговорила первой.

– Простите, – обратилась она к Джейн, у которой были огромные голубые глаза и целая копна золотистых завитушек. – Вы не заметили, куда подевались два мальчика и девочка?

– Я как раз хотела обратиться к вам с тем же самым вопросом, – ответила Джейн.

Но тут вдруг вскричал Сирил:

– Да ведь это же ты, Джейн! Вон она – дырка на твоём переднике. А ты – Пантера. Вон из кармана торчит твой платок. Ты запачкала его, когда вчера порезала палец. Подумать только! Значит, желание всё-таки исполнилось. А что, я тоже сделался красавцем?

– Ты кто? Ты – Сирил? Ты раньше мне больше нравился. Со своими золотыми кудрями ты похож на певчего в церкви. А если это Роберт – то он вылитый итальянский шарманщик. Ух, какой он черноволосый!

– А вы, девчонки, – сердито заметил Роберт, – похожи на глупые рождественские открытки, а волосы у Джейн просто какого-то морковного цвета.

– Ладно, – сказала Антея. – Не будем критиковать друг друга, а лучше возьмём малыша и поспешим домой. Время обеденное.

Малыш как раз в это время открыл глаза. Он выглядел как обычно – Ягнёнок как Ягнёнок. И все почему-то очень этому обстоятельству обрадовались.

Антея первой подбежала к нему, протянув руки к маленькому братцу.

– Иди скорее на ручки, лапушка, – сказала она.

Малыш взглянул на неё с сомнением и сунул в рот перепачканный в песке большой палец.

– Ну иди же!

– Уходи, – твёрдо сказал Ягнёнок.

– Ну, тогда иди к своей Кисе, – предложила Джейн.

У малыша задрожали губки.

– Где моя Панти? – всхлипнул он. – Хотю к моей Панти.

– Ну-ка, парень, полезай ко мне на закорки! – предложил Роберт.

– Не, не, не! – зарыдал малыш.

Тут все поняли, что случилось нечто ужасное. Ребёнок их не узнаёт!

Они пригляделись друг к другу. Какое отчаяние! Вместо весёлых, добродушных, привычных, родных глаз на них глядели огромные, красивые и совершенно чужие глаза.

– Ну, ужас какой-то, – сказал Сирил. Он сделал попытку взять Ягнёнка на руки, но тот брыкался, царапался и кричал.

– Подумать только, надо будет заново заводить знакомство со своим братишкой! – сокрушался Сирил. – Чушь какая-то!

Не меньше часа ушло, пока они наконец уговорили малыша позволить этим незнакомцам нести его домой.

– Слава богу, дошли! – воскликнула Джейн, открывая железную калитку и покачиваясь от усталости.

Няня Марта стояла возле калитки и тревожно вглядывалась в даль, ладонью прикрывая глаза от солнца.

– Вот, – сказала Джейн, – возьми малыша.

Марта выхватила ребёнка у неё из рук.

– Слава Всевышнему, он цел и невредим! А где остальные? Вы-то кто такие будете?

– Да ведь это же мы, – отозвался Роберт.

– Что это за «мы»? Как вас дома называют?

– Да я же говорю, что это мы, только мы стали красавцами и красавицами, – пояснил Сирил. – Я – Сирил. А это – все остальные. Мы очень голодны. Пусти же нас поскорее в дом. И кончай валять дурака.

Марта никак не отреагировала на дерзости Сирила и постаралась захлопнуть дверь у него перед носом.

– Ну да, мы на себя не похожи, – попыталась убедить Марту Антея. – Я – Антея. Мы очень устали и хотим есть. Время обеда уже давно прошло.

– Ну вот и идите, откуда пришли, там и обедайте. А если наши ребята подговорили вас на эту дурацкую игру, так они хорошо за это получают, так им и передайте. Пусть знают, чего им ожидать.

И она захлопнула дверь. Сирил стал звонить и звонить в дверной звонок. Но никто не отзывался. Потом кухарка высунулась в окно спальни и сказала:

– Если вы сейчас же не уберётесь отсюда, я пойду в участок и приведу полицию.

И она с шумом затворила окно.

– Всё бесполезно! – вздохнула Антея. – Пошли отсюда, пока нас не посадили в тюрьму.

– Я думаю, мы опять станем такими, как были, после того, как солнце сядет, – с надеждой сказала Джейн.

– А вдруг мы обратимся в камни, как те мегатерии? – с дрожью в голосе произнесла Антея.

И она заплакала. А вслед за нею – и Джейн.

Мальчишки заметно побледнели. Время тянулось медленно. Рядом не было ни одного дома, где ребята могли бы попросить хоть корочку хлеба или стакан воды. Трижды они пытались упросить прислугу впустить их в дом и выслушать их рассказ. Всё тщетно. Тогда Роберт попробовал влезть в одно из окон, чтобы изнутри открыть дверь и впустить остальных в дом. Но дело кончилось тем, что Марта опрокинула на него кувшин воды из верхнего окна, прокричав:

– Пошёл прочь, ты, поганая итальянская обезьяна.

Что было делать? Они уселись рядом возле живой изгороди, спустив ноги в пересохшую канаву, в ожидании то ли своего превращения в окаменелости, то ли возвращения в свой прежний облик. Все старались не смотреть друг на друга. Голоса-то их оставались прежними, а вот вид! Они казались друг другу чужими, и лица их были так ослепительно красивы, что смотреть на них было противно.

– Я не верю, что мы окаменею, – произнёс Роберт после долгого тоскливого молчания. – Он, этот Саммиэд, обещал завтра исполнить наше желание. А если мы превратимся в камень, то никакого завтра просто не будет.

– Наверное, так, – поддержали его остальные. Но в голосе у них не было никакой уверенности.

Наконец, устав от страха и мучительного голода, все четверо задремали. Через какое-то время первой проснулась Антея.

– Эй, просыпайтесь, – прокричала она, и в голосе её звучали слёзы радости. – Мы не окаменели! Ой, Сирил, какой ты опять замечательный и некрасивый, и глаза опять маленькие, и веснушки все на месте! И все тоже – снова такие симпатичные, – прибавила она, чтобы им не стало завидно.

Ох и досталось же им от Марты, когда они пришли домой. Она рассказала им про чужих ребят, которые принесли малыша.

– Уж такие красавцы, такие красавцы, только нахальные – ужас!

– Да, – сказал Роберт. – Мы знаем.

Было совершенно бесполезно что-либо ей объяснять.

– А вы-то где шлялись весь день?

– Да тут неподалёку и были.

– А почему же вы столько времени не шли домой?

– Это всё из-за них, – глубокомысленно проговорила Антея.

– Из-за кого?

– Этих красавцев и красавиц. Они не отпускали нас, пока солнце не село. Ух, какие они противные! Но покорми нас, пожалуйста, побыстрее, мы такие голодные!

– Надо думать, – сердито проворчала Марта. – Целый день болтались неведомо где. Пусть это послужит для вас уроком – в следующий раз не связываться с чужими детьми. Может, они заразные, может, они корью только что переболели. Если вы их ещё встретите, не вздумайте с ними разговаривать. Даже и не глядите в их сторону. Сразу же отойдите, а потом скажите мне. Я им их красоту попорчу!

– Хорошо, – согласилась Антея. – Если мы их ещё когда-нибудь увидим, мы тебе обязательно скажем.

А Роберт, не сводя глаз с блюда с холодным мясом, добавил:

– Мы изо всех сил постараемся больше никогда с ними не встречаться.

И они действительно не встретились.

Глава вторая

Золотые монеты

До того как проснуться на следующее утро, Антея очень ясно видела странный сон. Ей снилось, будто она гуляет по зоологическому саду под проливным дождём, и при этом почему-то без зонта. Ливень этот был ужасно не по душе зверям, и они недовольно ворчали. Антея открыла глаза. Как ни странно, ворчание и дождик продолжались и наяву. Оказалось, что это просто простудившаяся накануне Джейн громко сопит носом во сне, а капельки воды падают Джейн на лицо, потому что Роберт понемножечку выжимает над ней уголок мокрого махрового полотенца.

– Чтоб ты побыстрее проснулась, – объяснил он.

– Немедленно прекрати! – рыкнула на него Антея.

«Дождь» тут же прекратился, потому что ведь Роберт это не со зла. Он просто был великим выдумщиком и умел повеселить всех в доме.

– Я видела такой странный сон, – сказала Антея.

– И я тоже, – подхватила неожиданно проснувшаяся Джейн. – Мне снилось, что мы откопали удивительное существо, которое заявило, что оно – песчаная фея, что его зовут Саммиэд и что мы можем загадывать по одному желанию каждый день.

– Погодите, погодите, но ведь то же самое снилось и мне! Я как раз и хотел побыстрее про это вам рассказать. Мы вроде бы и загадали желание. И вы, девчонки, сдуру захотели, чтобы мы все стали красавцами, и так оно и вышло, только из этого ничего, кроме сущего безобразия, не получилось.

– Позвольте, но разве могут несколько человек видеть один и тот же сон? Кроме дождя и зоологического сада, я всё это тоже видела во сне. И ещё как Ягнёнок нас не узнал, а прислуга не пустила нас в дом...

Из другой комнаты послышался голос старшего брата:

– Поторопись, Роберт! Ты снова опоздаешь к завтраку, если только опять не сачканёшь и не станешь умываться, как в прошлый четверг.

– Лучше пойди сюда на минуточку. Кстати, в прошлый четверг я умывался в папиной комнате. У нас в умывальнике не было воды.

Полуодетый Сирил возник в дверном проёме.

– Послушай, – сказала Антея. – Нам всем снился один и тот же сон про песчаную фею.

Сирил посмотрел на неё так презрительно, что она тут же замолчала.

– Сон? – переспросил Сирил. – Эх вы, малолетнее дурачье! Это никакой не сон. Всё это было на самом деле. Я потому и поднялся пораньше. После завтрака, не откладывая, мы пойдём и выскажем ещё одно желание. Только надо заранее решить какое. И чтобы никто со своим отдельным желанием не возникал. Хватит с нас вчерашней неопишуемой красоты, благодарю покорно!

Антея не была так уж уверена в том, что Сирил говорит правду. Однако ей пришлось в этом убедиться, когда Марта, всё ещё не успокоившись, снова отругала их за вчерашнее безобразное поведение. Не могла же Марта в самом деле видеть тот же самый сон.

– Потому что, – сказала Антея, – слуги всегда видят во сне то, что написано в книжке «Толкователь снов». Там говорится, что видеть во сне свадьбу означает похороны, змею – предательство, а устрицы к чему-то связанному с детьми.

– Кстати, о детях, – сказал Сирил, – где у нас Ягнёнок?

– Марта собирается навестить своих двоюродных в Рочестере и берёт его с собой. Мама ей позволила. Теперь она занята тем, что наряжает малыша и сама тоже наряжается.

– Представляю, какое удовольствие тащить Ягнёнка на закорках аж до самого Рочестера!

– Она наняла дрожки, – сказала Джейн.

– Давайте проводим их. Во-первых, так поступают воспитанные люди, а во-вторых, мы будем уверены, что избавились от них на весь сегодняшний день.

Марта вырядилась в своё воскресное платье, скомбинированное из двух оттенков розового, и надела голубую шляпку с розовыми васильками. А на Ягнёнке было его лучшее кремовое пальтишко и шапочка. Они проводили их до перекрёстка, усадили в дрожки, и те довольно скоро скрылись в облаках меловой пыли.

– А теперь бегом – к Саммиэду, – скомандовал Сирил, и они отправились в путь.

По дороге они сговорились, какое сегодня выскажут желание. Вчера они обложили камешками то место, где скрылся Саммиэд, так что отыскать его не составило труда.

– А что, если это и вправду был только сон? – заметил Роберт, пока ребята доставали из песчаной кучи свои лопатки, спрятанные ещё накануне.

– А что, если ты вдруг станешь умным парнем? – передразнил его Сирил. – И то и другое не похоже на правду.

– А что, если ты вдруг станешь вежливым, а не грубятиной?

– А что, если мы, девочки, сами выскажем желание, не дожидаясь, пока вы доругаетесь? – засмеялась Джейн. – Что-то вы уж больно жарко спорите.

– А что, если ты не будешь совать нос, куда тебя не просили? – отрезал Роберт.

– Да не будем мы, не будем произносить никаких желаний, – примирительно сказала Антея. – Ты это сделаешь лучше нас.

– А что, если ты перестанешь болтать, – сказал Роберт, но уже не так сердито. – Будьте осторожны. Лучше давайте копать руками.

Так они и сделали, и вскоре перед ними появилось знакомое мохнатое, ушастое, глазастое существо. Все облегчённо вздохнули: теперь-то уж стало ясно, что всё вчерашнее им вовсе не приснилось. Саммиэд сел и отряхнулся.

– Послушайте, вы сегодня готовы выполнять желания? У нас их целых два, правда, одно совсем незначительное, – сказал Сирил.

– Знаете, – сказал Саммиэд, – до того, как вы тут вздумали препираться прямо над моей головой, я ведь думал, что вы мне просто приснились. Иногда мне снятся очень странные сны.

– Правда? – поспешила с вопросом Джейн. – Как интересно?! – Ей хотелось, чтобы Саммиэд поскорей забыл про их дурацкие ссоры. – Я бы очень желала, чтобы вы рассказали нам о своих снах.

– Это что, ваше желание на сегодняшний день?

Сирил пробормотал: «Ну, что ты будешь делать с этими девчонками?» Остальные просто промолчали. А что было сказать? Если скажешь «да», то тогда надо проститься с желанием, которое они все вместе задумали. А сказать «нет» – вроде бы это прозвучит невежливо. Но Саммиэд сам спас положение.

– Если я стану пересказывать все мои сны, то тогда у меня не останется сил даже на незначительное желание. Впрочем, что это за желание?

– Чтобы слуги не замечали и не видели того, что вы нам даёте, – сказал Роберт.

– Что вы любезно нам предоставляете, – поправила его Антея.

– Что вы любезно нам предоставляете, – послушно повторил Роберт.

Саммиэд набрал воздуха, увеличился в размерах, потом шумно выдохнул и стал таким, как обычно.

– Всё, – сказал он. – Получилось. Это было нетрудно. А какое другое желание вы хотите высказать?

– Пусть мы станем баснословно богаты, – медленно проговорил Роберт.

– Ух, какая жадность! – неожиданно прокомментировала Джейн.

– И в самом деле! – согласился с ней Саммиэд. – Хорошо, согласен. Только это не принесёт вам радости, – пробормотал он себе под нос. – Ну, и сколько же вам надо? И как вы хотите получить богатство, золотом или бумажными деньгами?

– Золотом. И побольше.

– Если я наполню золотом весь этот карьер, хватит вам?

– Да! Да!

– Тогда улётывайте отсюда, а не то золото живьём засыплет вас до макушки.

Саммиэд вытянул руки на всю длину и стал так яростно ими размахивать, что ребята в страхе кинулись наутёк дорогой, по которой ездили телеги с песком. С полдороги они оглянулись и тут же были вынуждены зажмуриться. Золото, заполнившее всю яму, сверкало и слепило глаза. Так бывает, когда в летний полдень посмотришь на солнце. Весь карьер был заполнен до самого верха новенькими золотыми монетами. Они загородили все проходы в ласточкины гнёзда. Золотые монеты лежали под ногами, как самые простые камешки. Роберт поднял одну монетку с земли и повертел в руках. Потом он произнёс каким-то странным голосом:

– Это совсем какие-то незнакомые монеты.

– Но они ж из золота, – возразил Сирил.

И тут ребята заговорили все разом. Они хватали золотые монеты пригоршнями и пропускали между пальцами, как воду. Золотой звон казался им необыкновенной музыкой. Они как-то даже подзабыли, что это деньги. Они просто играли. Роберт вздумал засыпать Джейн золотыми монетами, как песком на морском берегу. Но Джейн запротестовала:

– Прекрати! Они такие тяжёлые! Ты меня сейчас раздавишь!

– Послушайте-ка, – сказал Сирил. – Если от всего этого нам должна выйти хоть какая-то польза, то нечего тут прохлаждаться. Давайте набьём монетами карманы и пойдём за покупками. Не забывайте, что с заходом солнца всё это кончится. Вот что я хочу вам сказать. В ближайшей деревне есть пони с тележкой.

– Ты решил их купить? – спросила Джейн.

– Да зачем! Мы их наймём и отправимся в Рочестер. Мы же там столько всего накупим, что просто так не унести. Пусть каждый наберёт столько монет, сколько сможет. Плохо, конечно, что это какие-то старинные деньги. Ну да ладно. Набирайте побольше – и в путь!

Сирил сел на землю и стал набивать свои карманы.

– Вот вы смеялись надо мной, – сказал он, – когда я попросил сшить мне куртку с девятью карманами.

Он наполнил все девять, потом сделал узелок из носового платка и ещё напихал кучу монет под рубашку. Только когда он захотел встать, то покачнулся и вынужден был снова опуститься на землю.

– Вот тебе и девять карманов, – поддел его Роберт. – Выкинь часть груза за борт, а не то твой корабль пойдёт ко дну.

До деревни надо было пройти пешком целую милю по пыльной дороге. А уж как пекло солнце! Золото в их карманах становилось всё тяжелее и тяжелее.

– Всё равно мы не сможем всё это сразу потратить, – сказала Джейн. – Я спрячу часть своих монет тут вот, под кустами живой изгороди. И хорошо бы, когда мы доберёмся до деревни, купить каких-нибудь булочек – есть так хочется.

Пока шли, не одна горсть монет была спрятана под кустами. Идти с таким грузом было очень тяжело. Но всё равно, когда они наконец дошли до деревни, денег у них оставалось ещё очень много. Глядя на них, запыханных и уставших, никто бы никогда не подумал, что они такие богачи.

Дрожащая пелена жара поднималась над раскалённой землёй, синие дымки труб, сливаясь, плыли над красными крышами деревенских домишек. Все четверо тяжело опустились на

первую попавшуюся скамейку. Скамейка оказалась рядом с гостиницей «Синий кабан». Было решено, что Сирил зайдёт внутрь и спросит там бутылку имбирного лимонада. Антея сказала:

– Детям не положено заходить в пабы, только мужчинам прилично их посещать, а Сирил самый старший и больше всех похож на мужчину.

Сирил поднялся по ступенькам, а трое остались сидеть на солнышке.

– Ну, я просто зажарился! – сказал Роберт. – Между прочим, когда собакам жарко, они вываливают языки. Может, и нам станет прохладнее, а?

– Можно попробовать, – отозвалась Джейн.

Они высунули языки, но от этого горло совсем пересохло. К тому же тем, кто проходил мимо, казалось, что они дразнятся. Они закрыли рты. Тут и Сирил появился с бутылкой имбирного лимонада в руках.

– Мне пришлось заплатить из своих денег, на которые я хотел купить кроликов, – огорчённо заметил он. – Им нечем было разменять золотой. А когда я показал трактирщику горсть золотых, он засмеялся и сказал, что это фишки для игры в карты. Да, я ещё купил всем по кусочку бисквита и по булочке с тмином.

И булочки, и бисквит оказались чёрствыми. Но имбирный лимонад всех утешил.

– Теперь моя очередь попытаться купить что-нибудь на наше золото, – сказала Антея, – потому что я следующая по старшинству.

Оказалось, что пони находится при другой гостинице, называемой «Шахматная доска». Антея пошла туда двором, чтобы не идти через трактир, куда девочкам заглядывать не полагается.

Она быстро вернулась, сказав:

– Не буду задирать нос, но я всё сделала молодцом. Возница сказал, что мигом будет готов и за один золотой отвезёт нас в Рочестер, и обратно привезет, и подождет, сколько потребуется.

– Воображаешь, что ты самая умная, – проворчал Сирил. – Как тебе это удалось?

– Во всяком случае, у меня хватило ума не вытаскивать из кармана целую горсть монет, чтоб не продешевить, – отозвалась Антея. – Я встретила во дворе парня, который чистил лошадь, и показала ему монетку. Я спросила его, знает ли он, что это такое, а он ответил, что нет, и сказал, что он лучше позовёт отца. А отец, поглядев, сказал, что это старинная гинея, и спросил, моя ли она собственная. И я подтвердила, что да и что я отдам её ему, если он свезёт нас в Рочестер. И он сказал, что хорошо. Его зовут Криспин.

Какое это было непередаваемое ощущение – ехать в тележке по красивым деревенским дорогам! Ребята попросили старика высадить их у моста.

– Между прочим, – спросил у него Сирил, – если бы, к примеру, вам захотелось купить лошадь и экипаж, к кому бы вы прежде всего направились?

– К Билли Писмаршу на постоялом дворе «Голова сарацина», – не задумываясь, ответил старик. – Вообще-то боже сохрани иметь дело с торговцами лошадьми. Будь у меня нужда, я бы ничьих рекомендаций не стал слушать. Но если ваш папа хочет купить лошадку, то более порядочного и воспитанного человека, чем Билл, ему не найти.

– Спасибо, – сказал Сирил. – Так, значит, «Голова сарацина»?

Однако вскоре ребята столкнулись с тем, как один из непреложных законов жизни, точно циркач, перевернулся с ног на голову. Все знают, что деньги заработать очень трудно, а потратить совсем никакого труда не составляет. Но продавцы в Рочестере так и шарахались от их золотых монет.

Начать с того, что утром Антея имела несчастье сесть на свою шляпку так, что та пришла в полную негодность. Но когда она вошла в магазин, где на витрине красовалась очень симпатичная шляпка и возле которой был ценник «Парижская модель, три гинеи», и протянула деньги, молодая хорошенькая продавщица в тёмном шёлковом платье как-то странно посмотрела на неё и подозвала другую продавщицу, постарше и куда менее привлекательную.

– Такие деньги сейчас не ходят, – сказала старшая, возвращая девочке её золотые монеты.

– Это настоящее золото, – сказала Антея. – И это мои собственные деньги.

– Всё может быть, – сказала та, что постарше и поне красивее. – Но эти деньги не в ходу, и мы такие не принимаем.

– Они подумали, что я их своровала, – сказала Антея, присоединяясь к остальным, ждавшим её снаружи. – Это потому, что утром, разгребая песок, мы здорово запачкались. Надо купить перчатки.

Они отыскивали совсем маленькую, скромненькую лавочку. Там они спросили две пары хлопчатых перчаток, но заплатить за покупку опять пришлось из «кроличьих» денег, потому что хозяйка лавочки, пристально глянув на золотую монету сквозь очки, сказала, что у неё не найдётся сдачи. Зачем-то они ещё прикупили кошелёк из поддельной крокодиловой кожи. И за него тоже заплатил Сирил из той же «кроличьей» заначки.

Они заходили ещё в несколько магазинов из тех, где продаются игрушки, и духи, и шёлковые платочки, и книжки, и коробочки с изящными почтовыми наборами, и открытки с видами. Но никто не пожелал разменять ни одной из волшебных золотых монет. Бродя по улицам Рочестера, ребята пропылились и вспотели, и волосы у них спутались. Да ещё, ко всему прочему, Джейн поскользнулась и упала как раз на том месте, где только что проехал водовоз со своей бочкой, наплескав целую лужу воды.

К тому времени они отчаянно проголодались, но никто ни кусочка съестного не хотел им продать за их золото.

Безрезультатно посетив парочку кондитерских, они разработали план дерзкой кампании. Все четверо вошли в третью по счёту кондитерскую и, не давая опомниться человеку за прилавком, схватили грязными руками каждый по три сдобных булочки с изюмом, стиснули их в кулаке и надкусили все три булочки разом.

Разъярённый кондитер выбежал из-за прилавка.

– Вот, – кое-как, с полным ртом, проговорил Сирил, протягивая ему заранее приготовленную монетку. – Возьмите, сколько следует.

Мистер Бейл, так звали кондитера, схватил монетку, попробовал её на зуб, сунул к себе в карман и закричал:

– Вон отсюда!

– А сдачи? – спросила Антея, которая во всём любила порядок.

– Сдачи! Сейчас будет вам сдача. А ну, прочь. И радуйтесь, что я не зову полицию. Она бы живенько выяснила, откуда у вас такие деньги.

В городском парке наши миллионеры доели булочки, и в тени деревьев настроение у них слегка улучшилось. Но, несмотря на это, теперь уже даже у самого отважного не хватало духу идти к Билли Писмаршу по поводу лошади и экипажа. Однако Антея любила доводить до конца задуманное, и Джейн её поддержала. Решимость девчонок возобладала, и вот все, надо сказать, ещё грязнее, чем были, направились к «Голове сарацина». Они не вошли в парадное, а, воспользовавшись прошлым опытом, прошли через калитку во двор. Мистер Писмарш как раз в это время и находился во дворе. Роберт вступил в переговоры:

– Нам сказали, что у вас имеются лошади и экипажи на продажу, – напустив на себя важность, проговорил он.

– Что ж, оно так и есть, молодой человек, – отозвался мистер Писмарш. Был он тощ, высок, голубоглаз, у него были тонкие, тесно сжатые губы.

– Нам бы хотелось купить у вас пару лошадей и карету.

– Кому бы не хотелось, – ухмыльнулся Писмарш.

– Вы нам покажете некоторых? Мы выберем наиболее подходящих.

– Да вы чё? Дурака валяете? – удивился Билл Писмарш. – Выведать, что ль, чего хотите? Кто вас подослал?

– Я же сказал, – повторил Роберт, – мы хотим купить карету и пару лошадей. Один человек сказал нам, что вы порядочный и обходительный хозяин. Но видно, он что-то перепутал.

– Ишь ты! – воскликнул мистер Писмарш. – Уж не прикажете ли вывести пред ваши ясны очи всю конюшню?

– Пожалуйста, если вас это не затруднит, – сказал Роберт.

Хозяин лошадей зачем-то сунул руки в карманы и как-то нехорошо рассмеялся.

– Виллум! – позвал он конюха Вильяма.

Тот возник на пороге конюшни.

– Поди сюда, Виллум, погляди ты на этого юного герцога. Хочет разом скупить всё наше имущество. Только хоть об заклад бейся, у него и ломаного пенни нет за душой.

Роберт начал закипать.

– Никакой я не герцог. А что касается ломаного пенни, то это вы видели?

И не успели другие ребята его остановить, как он вытащил целых две горсти золотых монет:

– Вот. Смотрите.

Мистер Писмарш посмотрел. Потом схватил одну монетку и попробовал её на зуб. Джейн так и ждала, что он скажет:

– Все мои лошади в вашем распоряжении, молодые люди.

Другие на это не очень-то надеялись, но они никак не ждали того, что последовало.

– Виллум, запри ворота, – велел конюху хозяин.

– Ну, тогда прощайте, – сказал Роберт, и все поспешили к калитке, которая ещё оставалась открытой. Но Писмарш заслонил выход.

– Не так скоро, приятель, – сказал он. – Виллум, покличь полицейского. Разберёмся что к чему.

Виллум ушёл.

– Ну, и где же вы стибрили это золото? – обратился Писмарш к сбившимся в кучку перепуганным детям. – Чего молчите? Языки проглотили? Откуда оно у вас? Ну-ка, говорите!

– Из песчаного карьера, – сказала истинную правду Джейн.

– Ну-ка, соври что-нибудь поскладнее.

– Да говорю же я вам, – настаивала на своём Джейн. – Там живёт песчаная фея, вся покрытая шерстью, и она каждый день выполняет по одному нашему желанию.

– Она маленько того? – поинтересовался Писмарш. – И не стыдно вам, парням, впутывать в свои грязные делишки больного ребёнка?

– Она совершенно нормальная, – вмешалась Антея. – Она говорит сушую правду.

– Господи прости, ещё одна тронутая, – проговорил Билли Писмарш.

В это время вернулся Виллум. На лице у него блуждала поганенькая ухмылочка. Следом шёл полисмен.

Писмарш что-то долго объяснял ему шёпотом. Наконец полисмен сказал:

– А ну, пошли со мной.

И вот рассерженных и напуганных детей повели по улицам Рочестера. Слезы застилали им глаза, поэтому Роберт не понял, на кого из прохожих он налетел.

– Что это такое? – прозвучал знакомый голос. – Вы что тут делаете, мистер Роберт?

И не менее знакомый голосок пролепетал:

– Панти! Хатю к моёй Панти!

Это были Марта и Ягнёнок.

Марта вела себя безукоризненно. Она не поверила ни одному слову полисмена и всей истории, которую рассказал мистер Писмарш. Она не поверила даже тогда, когда по их приказу Роберт вывернул карманы.

– Ничего я не вижу! Какое золото? Вы оба, видно, тронулись умом. Нету никакого золота. Только одни грязные ребячьи ручонки. Прямо как у трубочистов, не будь я их нянькой!

Ребята подумали: «Вот какая она благородная». А дело-то в том, что Саммиэд так ведь и сделал, чтобы слуги не могли видеть ничего из его волшебных даров.

Стало уже смеркаться, когда они наконец добрались до полицейского участка. Полисмен рассказал о происшествии старшему инспектору.

– Покажите мне золотые монеты, констебль.

– Выверните карманы! – скомандовал полисмен.

Сирил в ужасе сунул руки в карманы, застыл на мгновение и вдруг громко расхохотался. Карманы были пусты. Все девять карманов. И то же происходило с карманами всех остальных ребят.

– Ну? – сердито спросил инспектор. – И где это пресловутое золото?

– Не могу понять, как им это удалось, – смутился полисмен. – Я глаз с них не спускал!

– Да, чудеса, – сердито отозвался инспектор.

– Если вы уже покончили с тем, чтобы издеваться над безвинными детьми, тогда я беру извозчика и везу их домой, – решительно заявила Марта. – Но так я этого не оставлю! Вы ещё обо мне услышите!

– Да забирайте вы их поскорее и исчезните с моих глаз! – примирительно сказал инспектор.

Но когда те ушли, он обернулся к полисмену и Писмаршу и спросил их разгневанно:

– Ну, и что это всё означает?

* * *

Марта наняла извозчицью карету, как и обещала. Она была так на них сердита, что ни один из них не посмел упомянуть о пони и старом трактирщике.

Итак, день их несказанного богатства кончился тем, что они, ставшие обладателями двух пар грязных перчаток, кошелька из поддельной крокодиловой кожи и давно съеденных дюжины булочек с изюмом, сопровождаемые сердитыми речами няни отправились спать.

Глава третья

Желанный

Наутро дети проснулись в довольно хмуром настроении. Они вспомнили, как они прошлым утром радовались, когда выяснили, что Оно, или Саммиэд, или песчаная фея, на самом деле существует и каждый день по одному их желанию будет исполняться. И что? Много радости получилось от того, что целых два их желания были выполнены?! Им хотелось обсудить за завтраком всё, что было связано с их новыми приключениями. Но как же, обсудишь тут, когда малыш бог знает что вытворял за столом. Он сидел на своём высоком стульчике, изгибался, свешивался вниз, болтал ножонками, неожиданно схватил столовую ложку и засветил ею прямо Сирилу в лоб. Потом он запихнул кусок хлеба в чашку с молоком и потребовал «ням-ням», что на его языке означало варенье. Но варенье полагалось только к вечернему чаю.

Так что разговор ребят выглядел примерно так:

– Я думаю, что Саммиэд... Ягнёнок, убери ножки со стола, мало ли что ты хочешь «гуять топ-топ», по столу никто не гуляет.

– А что вообще касается этих песчаных фей... Да заберите у него чашку с молоком, он сейчас опрокинет её себе на колени!

– И что из всех этих желаний пока что получилось... Ой-ой-ой! – Маленькая шкодливая ручка потянулась к банке, стоявшей посреди стола, и перевернула её. Вода полилась на Ягнёнка и на всех остальных, золотые рыбки бились на мгновенно вымокшей скатерти.

Все огорчились не меньше самих золотых рыбок. Один только Ягнёнок оставался невозмутимым.

Лужу на полу промокнули тряпками, Ягнёнка Марта унесла, чтобы переодеть во всё сухое. Всем остальным тоже пришлось переодеться. Ребята уже собрались было идти в песчаный карьер, но тут выяснилось, что Джейн надо починить платье. Она здорово разорвала его накануне, когда поскользнулась в луже и грохнулась там, в Рочестере.

Джейн решила, что можно бы её хорошенькую нижнюю юбку посчитать платьем, но Марта сказала, что она такого неприличия не допустит: где это видано, чтобы девочки щеголяли в нижнем белье!

Ничего не оставалось делать, как приниматься за шитьё. Пока Ягнёнок пребывал в руках у Марты, можно было поговорить о своём.

Роберт и Антея стали что-то такое невнятно бормотать насчёт того, мол, можно ли доверять всяким там песчаным феям...

Сирил рассердился на них:

– Что вы там крутитесь вокруг да около, терпеть не могу всяких разных экивоков.

– Никакие это не экивоки. Мы с Антеей думаем, что этот самый Саммиэд просто над нами глумится. Иначе зачем бы он подстраивал всё таким образом, что из наших желаний получается одна чепуха! Давайте лучше наплюём на него и пойдём в меловой карьер и построим настоящую крепость.

– Я не думаю, что он что-то подстраивает нарочно, – возразил Сирил. – И разве не было глупо с нашей стороны пожелать несметного богатства? Всего пятьдесят фунтов в монетах по два шиллинга было бы куда разумнее. А желать себе неопикуемой красоты – это, простите меня, уж просто идиотство! Давайте лучше задумаем какое-нибудь действительно полезное желание и обратимся с ним к Саммиэду.

– Я так же считаю, – присоединилась к нему Джейн, заканчивая своё шитьё. – Неразумно упустить такой случай. До сих пор я только в книжках читала про такие чудеса. Надо сообразить, что действительно хорошее можем мы себе пожелать.

Они собрались было уже идти, но Марта зачем-то всем велела помыть руки. И что это пришло ей в голову? Ведь, кроме Джейн, никто вообще ничего не делал. А как можно выпачкать руки, ничего не делая? Объяснение к этому подобрать очень даже трудно. Я не знаю, кто бы взялся.

Посоветовавшись ещё немножко, они решили, что сегодня они попросят только по пять фунтов каждому, не в золотых, конечно, а в серебряных монетах.

Марта нагнала их у ворот и потребовала, чтобы они взяли с собой на прогулку ещё и младшего братца.

– Не хотите? – возмутилась она. – Да его всякий с радостью захочет взять, такого лапушку. Ну-ка, вспомните, вы обещали маме каждый божий день водить его на прогулку.

– Да помним мы, – отозвался Роберт. – Только будь он постарше, интереснее было бы с ним гулять.

– Дай время – вырастет, – сказала Марта и, передав Ягнёнка Антее, отправилась строчить на машинке новые фартучки для девочек. Шить она была великая мастерица.

Ягнёнок радостно рассмеялся и пролепетал:

– Гуять топ-топ с Панти.

Потом он весело поскакал на закорках у Роберта. Когда его спустили на землю немножко потопать его толстенькими ножонками, он набрал в ладошки мелкие камешки и пытался накормить ими Джейн. Словом, он был так жизнерадостен и мил, что вскоре все перестали жалеть, что взяли его с собой. В конце концов было решено, что они попросят у Саммиэда пятьдесят фунтов на всех, монетами по два шиллинга, и из этих денег купят маленькому братику деревянную лошадь-качалку. Исполнившись этого мудрого решения и полные радужных надежд, они, как разумные дети, спустились в карьер по дороге. И тут они вдруг с ужасом вспомнили, что вчера, когда они, попросив несметных богатств, помчались вверх по дороге, спасаясь от золотого дождя, забыли пометить то место, где прячется Саммиэд.

– Ничего страшного, – успокоила их Джейн, – мы его обязательно найдём.

Легко сказать! Они искали и искали, отыскивали свои лопатки, однако Саммиэд никак не находился. Потом они присели отдохнуть. Не то чтобы они очень устали, но Ягнёнок настойчиво просился побегать ножками по песочку. А вы попробуйте найти что-нибудь потерянное, когда в то же самое время вам надо не спускать глаз с резвящегося малыша. А Ягнёнок тем временем, расшалившись, швырнул целую горсть песка Антее прямо в лицо, потом сам зарылся головой в песок, а его толстенькие ножонки замелькали в воздухе. Ясное дело, песок запорошил ему глаза, отчего он отчаянно разревелся. Роберт предусмотрительно захватил с собой бутылку имбирного лимонада, потому что на жаре каждому, конечно, захотелось бы пить. Другой жидкости не было, пришлось промывать малышовые глаза имбирным напитком. Не сомневайтесь, что имбирь стал щипать глаза, и Ягнёнок разорался ещё пуще. Он махал руками, дрыгал ногами и в результате выбил бутылку из рук Роберта. Питьё разлилось и навсегда погребло в песке.

Обычно невозмутимый Роберт не выдержал:

– «Каждый захотел бы его взять», как бы не так! Только что-то никто не хочет, да и Марта сама старается спихнуть его нам. «Каждый захотел бы»! Сейчас! Хотелось бы мне, чтобы действительно каждому пожелалось бы его взять, мы бы хоть пожили спокойно.

Все как-то ошарашенно замолчали. Роберт и сам был не очень-то доволен тем, как он высказался. Но сказанного не вернёшь. И вдруг совсем рядом с ними послышался голос:

– Доброе утро! Всё очень легко получилось. Теперь каждый захочет его взять.

– К чему это всё? – пробурчал Роберт, в глубине души осознавая, что он вёл себя по-свински. – Кому захотеть его взять? Здесь никогошеньки нет, так что выполнять такое желание было совершенно бесполезно.

– Неблагодарность, – заметил Саммиэд, – большой порок.

– Нет, нет, – поспешила разуверить его Джейн. – Мы не это имели в виду. Дело в том, что Роберт сказал просто так. А желание у нас было не это. Вы не могли бы взять это назад, а выполнить совсем другое?

– Нет, – отрезал Саммиэд. – Просить, а потом отказываться. Что это за манера! Думайте, прежде чем говорить.

Вдруг Ягнёнок заметил, что рядом находится что-то коричневое и пушистое.

– Кифа, кифа, кифа, – обрадовался он, протягивая ручонки к песчаной фее.

– Это не киса, – начала было объяснять Антея, но Саммиэд поспешно отскочил в сторону.

– Не позволяйте ему до меня дотрагиваться, он весь мокрый!

Действительно, Ягнёнок весь вымок, когда ему промывали глаза.

Шерсть у Саммиэда стала дыбом, он начал судорожно зарываться в песок и исчез. Ребята поместили это место камешками.

– Да, зря я это... – сказал Роберт. – Но теперь нам другого не остаётся, как вернуться домой. Ничего у нас не вышло и на сегодня. Но ведь и ничего особенно плохого не случилось. Ладно. Хотя бы мы поместили, где Саммиэд прячется. Завтра опять придём.

Сирил сгрёб Ягнёнка в охапку, и они пошли в сторону дома. Дорога, по которой возили песок, вплотную подходила к большой проезжей дороге. В этом месте ребята остановились, чтобы пересадить Ягнёнка со спины Сирила на спину Роберта. В это время к ним приближался открытый экипаж. На козлах восседали кучер и ливрейный лакей, а в коляске ехала дама в белом платье, сплошь украшенном тонкими кружевами и красными бантиками, над собой она держала красно-белый зонтик, а на коленях у неё дремал белый пушистый пёсик. Улыбнувшись детям, она неожиданно потребовала, чтобы кучер остановился. Дама поманила к себе Сирила и, когда он подошёл, сказала:

– Какой прелестный малыш! Я бы желала взять его и усыновить. Вы думаете, его мама согласилась бы?

– Да ни за что на свете! – отрезала Антея.

– Но я вырастила бы его в роскоши! Я леди Читтенден. Вы наверняка видели мои фотографии в журналах. Меня называют красавицей. Но дело не в этом...

Она откинула дверцу коляски и спрыгнула на землю. На ней были необычайно красивые красные туфельки с серебряными пряжками.

– Дайте мне поддержать его хоть одну минуточку, – попросила она.

Она выхватила Ягнёнка из рук Сирила как-то очень неловко, чувствовалось, что она совсем не умеет обращаться с детьми. И вдруг не успели дети моргнуть глазом, как она вскочила в коляску и крикнула кучеру:

– Трогай!

Ягнёнок стал отчаянно вопить, а собачка отчаянно лаять. На кучера напало сомнение. Но дама прикрикнула на него строгим голосом:

– Я кому говорю, трогай!

И коляска тронулась с места. Ребята, как по команде, все разом ухватились сзади за край коляски и помчались следом. Коляска катилась, а за ней мелькали четыре пары ног.

Ягнёнок орал всё громче и громче, потом крики сделались всхлипами, и наконец он затих, видно, наплакавшись, уснул.

Четыре пары ног уж совсем отказывались служить, когда коляска наконец остановилась у ворот великолепного парка. Ребята притаились позади, а дама, сойдя на землю и поглядев на малыша, сказала:

– Лапочка... Он уснул. Я не стану его тревожить, – и, подойдя к привратнице, стала выговаривать ей за плохо подметённые дорожки.

Кучер и лакей спрыгнули с козел и устали на спящего младенца.

– Славный мальчишечка, – сказал кучер, – хотел бы я, чтоб это был мой сынишка.

– Не-а, – сказал лакей. – Тебе такой не подойдёт. Слишком уж красавчик.

Кучер пропустил это замечание мимо ушей. Он продолжал:

– И чегой-то с ней приключилось? И своих ребятишек у ей нет, и чужих-то она не переваривает.

Дети обменялись тревожными взглядами.

– И вот чего я тебе скажу, – признался кучер. – Спрячу я его тут при дороге в травке. А леди нашей скажу, что братья с сёстрами его унесли. А после я его возьму себе.

– Нетушки! – возразил лакей. – Мне он самому ох как глянулся. Я его себе возьму, и весь сказ.

– Заткнись, – рявкнул кучер. – На кой шут тебе ребёнок? Вот я – солидный женатый человек. Я знаю, как детей ро`стят. И нечего тут растабаривать.

– Конечно, – поддразнил его лакей. – Тебе своих нехватка. Сколько их у тебя? Альфред, Альберт, Луиза, Хелен, Беатрис и как их там ещё...

Кучер, не выдержав спора, дал лакею хорошую затрешину. Тот не остался в долгу. И тут началась настоящая драка. Оба тузили друг друга от души. Белый пёсик запрыгнул на козлы и залился отчаянным лаем. Сирил на согнутых ногах подобрался поближе к коляске со стороны, противоположной полю битвы. Он открыл дверцу. Двое мужиков, забыв обо всём, яростно лупили друг друга и поэтому ничего не заметили. Сирил тихонько взял на руки спящего малыша. Он понёс его к той тропинке, что вела в лес. Остальные на цыпочках, чтобы не шуметь, двинулись следом. Там, среди кустов орешника и дубового подлеска, забравшись в папоротниковые заросли, они затаились. Сначала до них доносились удивлённые мужские голоса, потом послышался разъярённый голос красно-белой дамы. И вот, наконец, послышался цокот копыт. Карета тронулась с места.

– Будь оно всё неладно! – проговорил Сирил, когда шум удаляющейся кареты стих. – Ведь и в самом деле теперь каждый хочет заполучить Ягнёнка! В этом нет никаких сомнений. Саммиэд снова нас надул. Какой же он гад! Ради бога, пошли скорее, отнесём ребёнка домой.

Они оглядели дорогу. Глянули направо. Глянули налево. На дороге никого не было. Набравшись храбрости, они двинулись в путь. Ягнёнок спал у Антеи на руках.

Однако новые приключения так и шли за ними по пятам. Неизвестно откуда появившийся парень с вязанкой хвороста на спине остановился, сбросил вязанку на землю и уставился на спящего Ягнёнка.

– Давайте я его понесу, – предложил он.

Но во второй раз Антея на эту удочку не попала. Парень всё шёл за ними, никак не желая отстать.

– А это ты нюхал? – Роберт и Сирил поднесли к самому носу парня два кулака разом.

Только тогда он наконец отвязался. Потом их нагнала какая-то девчонка в переднике в синюю и белую клеточку. Она бежала за ними чуть ли не полмили, канюча и приставая с просьбами дать ей поиграть с прелестным бэби. От неё удалось отделаться, только пригрозив ей привязать её в лесу к дереву и оставить там на съедение медведям.

Они уже было подошли к самому дому, но тут случилось худшее из того, что происходило в этот день. За последним поворотом дороги они вдруг наткнулись на стоявшие рядом две повозки и шатёр: это цыганский табор расположился рядышком с дорогой на ночлег. Стайка чумазых ребятишек играла на самой дороге, двое мужчин валялись на траве и курили, а три женщины что-то полоскали в старой лейке без носика.

В одну секунду все: и мужчины, и женщины, и дети – окружили Антею с Ягнёнком на руках.

– Дайте мне его подержать на ручках, юная леди, – попросила одна из цыганок, смуглолицая, с рыжими волосами.

– Не стоит, – ответила Антея.

– Лучше дайте его мне, – вступила в разговор вторая, тоже смуглая, с чёрными, как смола, жирными волосами.

– Нет, нет, – храбро ответила Антея, но сердце у неё колотилось от страха.

К ним подошёл один из двух мужчин.

– Я буду не я, если это не он самый! – воскликнул цыган. – Это же мой потерянный сыночек! Есть у него отметинка за левым ухом? Нет? Ну, так это моё кровное дитя. Его у меня украли в этом самом, как это? да, в грудном возрасте. Так уж и быть, я не стану подавать на вас в этот, как его? в суд.

И он выхватил ребёнка из рук Антеи.

Что было делать? Такого ужаса с ними ещё не приключалось! Испугавшись чужого бородастого дядьки, Ягнёнок орал во всё горло. У Сирила созрел план.

– Хорошо, – сказал он цыганам. – Пусть ребёнок остаётся у вас. Но он привык к нам, а вас он пугается. Мы тут немного побудем с ним, пока он и к вам попривыкнет, а то вы с ним крику не оберётесь. Подождём до заката, – шепнул он сестрам и брату.

– Вы пока отпустите его, – сказала Джейн. – Мы тут, прямо у вас на глазах посидим с ним, поуготовариваем, пока он к вам приглядится.

– А как же насчёт обеда? – вдруг сказал Роберт. – Есть хочется.

– Как ты можешь, – возмутилась Джейн, – когда твой бра... когда мальчик...

Роберт исподтишка подмигнул ей и продолжал:

– Я бы сбежал домой, принёс бы что-нибудь перекусить, вы не возражаете? – обратился он к цыганам.

– Как бы не так, – возмутился цыган. – Принёс бы что-нибудь перекусить, а заодно напустил бы на нас полицию, наврав им с три короба, что этот ребёнок не наш. Не на простаков напал!

– Если вы такие уж голодные, поешьте с нами, – сказала одна из цыганок. – Послушай, Ливи, ребёнок так надрывается, что у него прямо все пуговицы готовы отскочить. Дай ты его юной леди, посмотрим, может, ей удастся приучить его к нам немного.

– Иди к Панти, мой Ягнёночек, – сказала Антея, забирая малыша у цыгана.

– Послушай, Фэрэо, разведи костёр, – сказала одна из женщин.

Цыгане неохотно отошли от ребят и стали готовить еду.

– Я и не подумаю притронуться к их поганому обеду, – сказал Роберт. – Меня стошнит!

Остальные были с ним вполне согласны. Но когда обед – или ужин – был готов, все с голодухи дружно накинулись на еду. Это был заяц, тушеный с луком, с добавлением какой-то дичи, то ли куропатки, то ли рябчика. Ягнёнку дали размоченного хлебушка, посыпанного сахарным песком, и эта еда пришлась ему весьма по вкусу.

Постепенно тени удлинились, но солнце пока ещё не село, оно просто скрылось за ближайшим холмом.

Цыгане начали терять терпение.

– Ну, голубчики, – сказал один из цыган, – пора вашим головкам на подушки. Мальчик привыкает к нам понемногу. Так что отдавайте его нам и выметайтесь отсюда.

Женщины, мужчины и ребятишки – все столпились вокруг малыша, улыбались ему, манили к себе, протягивая руки, но мальчик крепко схватил Антею за шею и выдал такой рёв, какого от него ещё не слышали за весь вечер.

– Ну, хватит, – заявила та, что с чёрными волосами, – дайте его мне, юная леди, я его живо успокою.

А солнце всё никак не садилось.

– Расскажите ей, как его надо укладывать спать, говорите что-нибудь, мелите что хотите, надо протянуть время, – прошептал Сирил.

– Ладно, – сказала Антея. – Сейчас мы его вам отдадим. Только я хочу вам сказать, что перед сном мы обязательно делаем ему тёплую ванночку, а по утрам – холодную. И у него есть фарфоровый зайчик, с которым он купается в тёплой ванночке, и маленький солдатик, с которым он купается в холодной. А если мыло попадёт ему в глаза...

– Как будто я никогда не купала младенцев, – перебила её женщина. – Ну-ка, давай его сюда. Иди к Мелии, сокровище моё.

– Уйди, тюзая тётя, – тут же отреагировал Ягнёнок.

– И ещё я должна сказать, – торопливо продолжала Антея, – как его надо кормить. Послушайте внимательно. Утром мы даём ему яблоко или банан и молоко с хлебом, и ещё – иногда – яичко всмятку...

– Я десятирех вырастила, – перебила её черноволосая цыганка. – Хватит, мисс, дайте его сюда.

– Погоди-ка, Эстер, мы же не решили ещё, чей он будет, и уж во всяком случае не твой, у тебя и так семеро за тобой хвостом бегают.

– А меня кто-нибудь спросил? – сердито сказал муж Мелии.

– А меня? – вступила в разговор молодая девушка Зилла. – Я совсем одна, вот мне и будет за кем присматривать.

– Заткнись!

– Сам заткнись!

Так они довольно долго препирались, как вдруг дети заметили: лица цыган преобразились, точно невидимой губкой кто-то стёр с их лиц напряжение и злость. Все четверо сразу догадались, что солнце наконец-то село. Они замерли в ожидании. А цыгане стояли в полном замешательстве, потому что невидимая губка стёрла также и из их сердец страстное желание заполучить чужого ребёнка. Все четверо ребят затаили дыхание. А вдруг цыгане сейчас на них набросятся, разозлившись на то, какого они сами свалили дурака.

Наступила неловкая пауза. И вдруг Антея, чуть ли не с вызовом, протянула им мальчика.

– Вот, возьмите, – сказала она.

Мужчина отпрянул.

– Мне не хотелось бы лишать вас мальчика, леди, – сказал он.

– Я уступлю его любому, кто пожелает, – сказал второй цыган.

– В конце концов, у меня и своих ребятишек достаточно, – заявила цыганка Эстер.

– Меня, должно быть, солнечный удар хватил, – сказала Зилла. – Зачем мне чужой ребёнок?

– Ну, так мы можем взять его с собой? – спросила Антея.

– Валяйте забирайте, – сказал Фэрэо, – и больше не будем говорить об этом.

Все цыгане стали торопливо расходиться, исчезая в своих шатрах. Не ушла только Мелия. Она проводила их до поворота дороги. Прощаясь, она сказала:

– Не знаю, что это на нас за дурость напала сегодня. Мы, цыгане, не ворует детей, не верьте, когда вас будут страшить, мол, цыгане тебя унесут. У нас и своих достаточно. Только я-то своих потеряла, – добавила она со вздохом. – Можно, я его поцелую на прощанье?

Она склонилась над ребёнком, а он вдруг протянул ручку, погладил её по лицу и проговорил:

– Беднязетка, беднязетка.

А цыганка, ласково его поцеловав, стала водить пальцем по его лобику, грудке, ручкам, приговаривая:

– Пусть растёт он сильным и умным, пусть будет ясной его головка, пусть будет сердечко его любящим, руки крепкими на работу, пусть ноги его твёрдо ходят по земле и всегда возвращаются к родному дому.

Потом она произнесла несколько слов на непонятном языке и сказала:

– А теперь попрощаемся. Рада была с вами познакомиться.

– Чудная какая-то, – сказал Роберт, когда цыганка скрылась из виду. – И чего она тут несла? Даже заход солнца на неё не подействовал.

– А я думаю, она очень даже славная, – заметила Антея, – и очень хорошо всё сказала.

– По-моему, она добрая, – добавила Джейн. – Только уж очень страшенькая на вид.

Они направились к дому, опоздав не только к обеду, но и к ужину.

Марта здорово их отругала. Ну да ладно. Главное, Ягнёнок был цел и невредим.

Позже Роберт сказал:

– Получилось так, что мы, как и все другие, хотели, чтобы Ягнёнок был нашим.

– Ясное дело, – подтвердил Сирил.

– Ну, а с заходом солнца что-нибудь изменилось?

– Да что могло измениться? Желание, исполненное Саммиэдом, к нам не имело никакого отношения. Мы всегда любили его, – сказал Сирил. – Просто мы сегодня утром вели себя по-свински, особенно Роберт.

– Я и вправду вел себя, как свинья. Мне хотелось от него избавиться. Но всё так переменялось, когда выяснилось, что мы можем его потерять.

Глава четвёртая

Крылья

А на другой день с утра лил дождь. Нечего было думать пойти погулять, а уж тем более отправиться в песчаный карьер к Саммиэду: он ведь так боялся сырости, что целое тысячелетие не мог пережить, что однажды слегка подмочил свою левую бакенбарду. Было скучно, время тянулось медленно. После обеда дети решили, что они напишут письма маме. Но тут случилась одна небольшая неприятность. Роберт потянулся, чтобы переставить чернильницу к себе поближе. Как назло, чернильница была полнѐхонька. И надо ж было, чтобы Антея в этот момент откинула крышку своего ящичка, который она называла «секретиком» и в котором хранила какие-то ей одной ведомые таинственные предметы. Чернила как раз и полились в ящичек, заливая все «секреты», а заодно и письмо, которое Антея начала писать маме. Вообще-то Роберт не был так уж сильно виноват. Дело в том, что под столом сидел Ягнёнок, который усердно доламывал свою заводную птичку и, выковыряв из неё какую-то проволочку, ткнул ею Роберта в ногу. В результате чего письмо Антеи приобрело такой вид:

«Дорогая мамочка!

Надеюсь, что с тобой всё в порядке и что бабушка чувствует себя получше. На днях мы...»

Дальше шло огромное чернильное пятно, а под ним было написано:

«Чернила разлила не я, только чтобы их промокнуть, ушло столько времени, что дальше писать некогда, сейчас уже за письмами придёт почтальон.

Твоя любящая дочь Антея».

Роберт так долго размышлял над тем, что бы ему написать, что так и не сумел сочинить своё письмо. Сирил, наоборот, быстро написал очень длинное обстоятельное письмо и тут же отправился в сад сооружать ловушки для слизняков, о которых прочёл в журнале «Сам себе садовник». Тем временем письмо куда-то затерялось. Так его и не нашли. Слизняки, что ли, его съели?

Самым подходящим оказалось письмо Джейн. Его маме и отправили. Джейн собиралась рассказать маме, как им в песчаном карьере встретилось Оно, но она очень долго не могла сообразить, как правильно пишется «Саммиэд», так что успела только написать:

«Милая мамочка, дорогая, мы стараемся вести себя хорошо, как ты нас просила. Ягнёнок немножко простудился, но Марта говорит, что это пустячная простуда. Это оттого, что он вчера вывернул на себя банку с золотыми рыбками. На днях, когда мы ходили в песчаный карьер, куда мы спустились не по склону, а по дороге, мы там обнаружили... Ой, я слышу рожок почтальона, пора отправлять письмо.

Твоя младшая дочка Джейн».

Так мама ничего и не узнала, что это за Оно, или песчаная фея по имени Саммиэд.

А на следующий день за ними заехал дядя Ричард и повёз их в городок Мейдстоун. Добрый дядя Ричард повёл их в магазин игрушек и разрешил выбирать что кому по душе, не смотреть на цену и не обращать внимания на то, «обучающая» это игрушка или нет.

Потом дядя Ричард катал их на лодке, а позже они все вместе пили чай с пирожными в очень уютной кондитерской. Домой вернулись поздно, так что времени загадывать какие-нибудь желания уже не оставалось.

Следующий день выдался необычайно жарким. Люди, которые заведуют погодой, писали потом в газетах, что такого жаркого дня не случалось уже лет десять. Они попытались было предсказать «ливневые дожди», но погода все силы бросила на жару, так что на ливни у неё не осталось ни сил, ни времени.

Приходилось ли вам когда-нибудь в жаркий летний день встать в пять часов утра? Какое это прекрасное время! Небосвод на востоке светится розовым и золотистым, а трава и листья деревьев сверкают и переливаются капельками росы, точно бриллиантами. И тени ложатся не так, как вечером, а в обратном направлении, и вам кажется, что вы попали в совсем иной, незнакомый мир. Антея проснулась ровно в пять. Она так решила ещё с вечера. Надо сказать, что Антея умела заказывать время, когда надо проснуться.

Когда она открыла глаза, старинные часы в столовой пробили одиннадцать раз. Антея поняла, что сейчас без трёх минут пять. Эти часы всегда били не то, что следует, точно говорили на каком-то своём, иностранном языке. Если вы знаете этот язык, то их будет совсем не трудно понять. Антея этот язык был отлично знаком. Она не совсем ещё выпалась, но всё-таки встала и умылась холодной водой. Холодная вода точно по волшебству умеет отбивать охоту нырнуть обратно в постель. Она оделась, аккуратненько, как воспитанная девочка, сложила ночную рубашку. Туфли она предусмотрительно взяла в руки и на цыпочках спустилась вниз. Она отворила окошко в столовой и вылезла наружу. Можно бы, конечно, и дверь воспользоваться, но вылезти в окно было заманчивее, да и меньше риска, что Марта её заметит.

– Я всегда буду вставать в пять, – сказала она себе самой. – Можно побыть одной и делать, что захочется.

Сердце её учащённо билось. Она собиралась осуществить то, что она сама задумала. Хороша ли её задумка, она и сама не знала, но, так или иначе, она решила всё проделать одна. Антея обулась на ступеньках веранды и помчалась напрямик к песчаному карьеру, быстро нашла то место, которое они в прошлый раз поместили камешками, и откопала Саммиэда. Он был страшно зол.

– Что за безобразие! – ворчал он. – Холодище, как на Северном полюсе, да и ночь ещё на дворе.

– Прости, пожалуйста, – сказала Антея, снимая свой белый передничек и укрывая им Саммиэда как близкое, родное существо.

– Спасибо, – отозвался он. – Так немного теплее. Так какое желание на сегодняшнее утро?

Он всё ещё продолжал подрагивать от холода.

– Может... – начала Антея неуверенно, – может, ты сядешь ко мне на колени, так будет совсем тепло.

Она даже не ожидала, что он так быстро согласится. Забравшись к ней на колени, Саммиэд свернулся калачиком, а она осторожно и заботливо обняла его руками.

– Ну, так что ты хотела мне сказать? – спросил Саммиэд.

– Я не знаю... – начала Антея неуверенно. – Дело в том, что из всех наших желаний до сих пор получалась сплошная ерунда. Это я и хотела обсудить.

– Что тут долго обсуждать? Единственное, что я могу тебе посоветовать, дитя моё, думай, прежде чем выразить какое-либо желание.

Антея помолчала. Потом спросила:

– А как ты считаешь, что, если пожелать крылья? Это было бы не очень глупым желанием?

– Крылья? Что ж, пожалуй, это не так уж и глупо... Однако мне хочется спать.

Саммиэд соскочил с колен девочки и мгновенно зарылся в песок.

К завтраку Антея опоздала. Выяснилось, что за завтраком Роберт пролил Ягнёнку на рубашечку целую ложку патоки. Вполне дурацкий поступок, но Роберту удалось тем самым

сразу убить двух зайцев: во-первых, он доставил много радости Ягнёнку, который обожал с ног до головы перемазаться чем-нибудь липким, а во-вторых, отвлёк внимание Марты, которая потащила малыша мыть и переодевать. Таким образом, вся компания смогла легко улизнуть из дому и направиться в песчаный карьер.

По дороге Антея, запыхавшись от быстрого бега, предложила:

– А давайте будем придумывать желания по очереди. И притом заранее, до встречи с Саммиэдом... Идёт?

– Кто первый? – спросил осторожный Роберт.

– Я, если не возражаете, – сказала Антея. – Я уже успела подумать. Крылья!

Воцарилось молчание. Другие хотели было возразить, но что можно возразить? Крылья! Одна мысль о возможности полёта приводила каждого в радостное возбуждение.

– Недурственно, – одобрил Сирил.

А Роберт добавил:

– Ты не так глупа, как можно было подумать, Пантерочка.

– Замечательно! – подхватила Джейн. – Это будет похоже на сон!

Они легко отыскали Саммиэда, и Антея без промедления выпалила:

– Мы хотим, чтобы у нас были красивые крылья и чтобы мы могли летать.

Саммиэд стал раздуваться, раздуваться, а дети вдруг ощутили у себя на спине и некую тяжесть, но и лёгкость одновременно. Саммиэд внимательно их оглядел.

– Недурственно, – произнёс он недавно звучавшее слово.

Крылья оказались большими и такими красивыми, что вам даже трудно это себе представить: они были мягкими, гладкими, пёрышки укладывались ровненько и переливались всеми цветами радуги.

– Ох, какая прелесть! – воскликнула Джейн, переминаясь с ноги на ногу.

– Эй, осторожно! – предостерег её Сирил. – Ты наступаешь мне на крыло!

– А это больно? – полюбопытствовала Антея, но никто ей не ответил, потому что в этот момент Роберт, распутив крылья, подпрыгнул и стал медленно отрываться от земли.

Он выглядел довольно потешно в куртке и брючках, застёгнутых под коленками. Ноги его как-то беспомощно болтались в воздухе, а ботинки почему-то казались огромными. Но всем было не до его вида. Они тоже расправили крылья и стали подниматься в воздух. Крылья были такими большими, что им пришлось держаться на некотором расстоянии друг от друга.

Ни в одном словаре, ни на одном языке, хоть на английском, хоть на греческом, не найдётся таких слов, чтобы описать это ощущение полёта. Если смотреть с воздуха вниз на землю, то она, скорее всего, напоминает географическую карту. Но вместо дурацких нанесённых на бумагу красок вы видите живые краски, весёлые, машущие ветками деревья и солнечные блики на траве.

– Ну, просто живое наслаждение! – Довольно странное суждение вырвалось у Сирила.

А они все парили в воздухе, между голубыми небесами и зелёными лугами, пролетели над Рочестером, повернули на Мейдстоун и вдруг неожиданно, все разом почувствовали, что они ужасно голодны. В этот момент они как раз пролетали довольно низко над фруктовым садом, где заманчиво краснели поспевшие сливы. Они замерли в воздухе, как это иногда умеют делать ястребы и орлы.

– Да, – задумчиво произнёс Сирил, как бы разговаривая с самим собой, – кража, она и останется кражей, есть у тебя крылья или нет.

– Ты уверен? – спросила Джейн, моментально разгадав его мысли. – Но ведь если у вас есть крылья, то вы уже не человек, а птица. И никто не заставляет птиц помнить заповедь «не укради». Они-то её, конечно, нарушают, но никто не берёт это в расчёт. Но а если и берёт, то всё равно птиц не наказывают и не сажают в тюрьму.

Не так-то легко было сложить большущие крылья и усесться на тоненьких ветках, но это им в конце концов удалось. А сливы были такие сладкие, такие сочные! Хорошо, что они успели как следует утолить голод, когда в воротах сада показался толстый дядька, которому, видно, и принадлежали сливовые деревья. В руках у него была здоровенная палка.

Все дети разом постарались выпутаться из переплетения сливовых веток и поднялись в воздух.

Дядька застыл на месте с разинутым ртом. Он поглядел на трепещущие над ним радужные крылья, и бедняге показалось, что он сходит с ума. Антея глянула на его открытый рот и лицо, которое пошло красными и зелёными пятнами. Ей стало его жалко. Она крикнула ему:

– Не пугайтесь!

Она пошарила в кармане, нашла трёхпенсовую монетку с дырочкой, которую собиралась повесить на шею «на счастье», зависла у него над головой и сказала:

– Мы поели ваших слив. Мы думали, что это не будет кражей. Но теперь на меня напали сомнения. Вот вам монетка в уплату за съеденные сливы.

Она спикировала вниз, сунула монетку застывшему от ужаса дядьке в карман и полетела вслед за остальными.

– Господи помилуй, – прошептал он. – Кажется, это называется глюками, но вот же монетка, вот она! – Он вынул трёхпенсовик из кармана и прикусил зубами. – Настоящая! – воскликнул он. – Да, с сегодняшнего дня надо начинать новую жизнь. А то так допьёшься невесты до чего.

Он направился домой и в этот день был так ласков со своей супругой, что она никак не могла понять, что же это с ним приключилось. Она повязала на шею голубой бантик, принарядилась и стала такой хорошенькой, что муженёк сделался ещё ласковее. Так что дети сделали в этот день хотя бы одно доброе дело.

Но оно так и осталось одним-единственным. Да... Когда у вас есть крылья, то вам ничего не стоит влететь в какую-нибудь скверную историю. Правда, и выпутаться из неё легче, когда они у вас всё-таки есть.

Так им удалось спастись от злой собаки, когда они двинулись было к фермерскому дому, чтобы попросить хлебушка и молочка. Потому что, сами понимаете, сливы – какая это еда?

Они попробовали навестить ещё несколько соседних ферм, где вовсе не было никаких собак, но люди, завидев крылатых детей, учиняли такой переполох, поднимали такой визг, так пугались, что добиться от них толку не было никакой возможности. Часам к четырём дети страшно устали, крылья их стали неметь. Они опустились на крышу близлежащей церквушки и устроили военный совет.

– Нам ни за что не долететь до дому, – с нотками отчаяния в голосе проговорил Роберт, – если мы хоть что-нибудь не съедим или хотя бы не хлебнём чайку.

– Никто нас кормить не собирается, – заметил Сирил.

– Может, здешний священник покормит? – предположила Антея. – Он ведь должен разбираться в ангелах...

– Всякий сразу поймёт, что мы не ангелы, стоит только взглянуть на Робертовы ботинки или на мятый галстук Сирила.

– Раз никто не хочет нам ничего давать, – решительно заявил Сирил, – значит, нам надо самим взять. Что я буду за брат, если позволю своим сестрёнкам умереть с голоду, когда кругом полно еды.

– Где это ты видишь еду? – удивился Роберт.

Сестры с сомнением оглядели плоский скат крыши.

– Кругом? – переспросили они.

– Да, – продолжал Сирил. – Там, в торце домика пастора, я заглянул в окошко. Это окно его кладовой, и чего там только нет! Пудинг с заварным кремом, цыплёнок, язык, пирог, варенье... Окошко довольно высоко расположено, но с крыльями...

– Что-то тут не очень-то подходящее, – сказала Антея.

– Вздор! – возразил Сирил. – Не умирать же нам!

– Ну хотя бы давайте поглядим, у кого сколько денег, и оставим их на окошке в уплату за то, что мы съедим.

У неё слезы подступали к горлу. Очень тяжело человеку в одно и то же время чувствовать жуткий голод и при этом ощущать себя преступником. Все один за другим вывернули свои карманы. Подсчитали. Всего в сумме оказалось пять шиллингов и семь с половиной пенсов. Бережливый Роберт решил, что полутора шиллингов вполне хватит, чтобы заплатить за еду на четыре персоны. Немного поспорили. В конце концов надумали заплатить два шиллинга. У Антеи в кармане обнаружился листок, на котором были выставлены отметки за последний семестр. Предусмотрительно оторвав кусочек, на котором стояло её имя и номер школы, она написала на обороте:

«Уважаемый святой отец!

Мы, честное слово, очень голодны, потому что летали целый день, и мы подумали, что это не будет воровством, раз мы прямо-таки умираем с голоду. Мы побоялись, что вы скажете «нет», если мы попросим у вас еды, потому что вы, конечно, всё знаете про ангелов, только нас за ангелов вы вряд ли бы приняли. Мы возьмём только необходимое, а к пудингу и к пирогу и не притронемся, чтобы вы поняли, что мы взяли еду не из жадности, а только чтобы с голоду не умереть. И хоть мы забрались в вашу кладовую, мы на самом деле не воры и не разбойники».

– Давай покороче! – поторопили её остальные.

И Антея торопливо дописала:

«Мы оставляем два шиллинга в доказательство того, что мы вам искренне благодарны. От нас четверых».

Деньги завернули в записку, считая, что, когда пастор её прочтёт, ему сразу всё будет понятно.

– Теперь сделаем так, – сказал Сирил. – Подлетим к пасторскому домику и притаимся в кустах. Окно кладовой как раз загорожено высокими кустами. Мы там в кустах притаимся и поглядим, не идёт ли кто. Вообще-то там никто не ходит, но мало ли что, на всякий случай. Я пролезу в окно и буду подавать вам провизию, Роберт и Антея пусть принимают всё у меня из рук, а Джейн пусть покараулит и, если кого приметит, пускай свистнет. Да помолчи, Роберт! Она вполне прилично умеет свистеть. И потом – это же не должен быть разбойничий свист. Надо, чтобы было похоже, будто в кустах посвистывает птичка. Ну, ладно, давайте – вперёд!

Ясное дело, что воровать еду из чужой кладовки нехорошо. Но голодным ребятам, решившим заплатить два шиллинга, это в тот момент воровством не казалось. Поскольку за продуктами ходила Марта, им было невдомёк, что половина варёного языка, полтора жареных цыплёнок, целая буханка хлеба да ещё сифон с газировкой никак не могут стоить всего два шиллинга. Этим всем Сирил постарался обеспечить сестрёнок и брата. Ему даже показалось героическим поступком, что он не притронулся к варенью, яблочному рулету, пирогу и засахаренным фруктам. Он также гордился тем, что не взял пудинг с заварным кремом. Хотя гордиться тут было нечем, потому что пудинг пришлось бы утащить вместе с блюдом. А как его потом вернуть? Никто, даже самый голодный человек, не имеет права воровать чужое фарфоровое блюдо с розовенькими цветочками. Другое дело – сифон. Без питья уж никак нельзя было обойтись. Кроме того, на нём стояло название магазина, где обменивают пустые сифоны

на полные, так что если даже они где-нибудь его оставят, то кто-нибудь обязательно его найдёт и передаст в магазин.

Они снова вернулись на церковную крышу. Сирил расстелил лист бумаги, которую обычно стелют на кухонные полки.

– Какая необходимость была воровать бумагу? – строго спросила Антея.

– Очень даже большая, – ответил Сирил. – Мы же не можем класть продукты прямо на крышу. Я слышал, как папа рассказывал: люди напились дождевой воды и сильно заболели. Потому что в дождевой воде бывают эти микро... как их? – микробы. А эту крышу часто мочит дождик. Значит, и на ней могут оказаться микробы.

– А что это такое – мик... как их? микробы?

– Ну, это такие чиганашки, которых обнаружить можно, только глядя в микроскоп, – с учёным видом пояснил Сирил. – И от них бывают всякие разные болезни. Бумага была нам не меньше нужна, чем еда и питьё. Но, бог мой, как я голоден! Давайте же поедим!

Обед прошёл оживлённо и весело, и каждый налопался от пуза, во-первых, потому, что был очень голоден, а во-вторых, ведь цыплёнок, язык и свежий хлеб сами по себе очень вкусные и сытные вещи.

Вы, должно быть, не раз испытывали это на себе: когда очень долго ждёшь обеда и сильно проголодаешься, а потом слопаешь гораздо больше, чем следовало, то тебя после этого так и клонит ко сну. Когда всё было съедено и выпито, ребятам отчаянно захотелось спать, особенно Антее, которая, как вы помните, поднялась в пять часов утра.

Разговоры стали понемногу стихать, ребята прикорнули прямо на крыше, укрывшись своими мягкими крыльями, и крепко заснули.

Солнце всё ближе и ближе приближалось к горизонту на западе, а дети всё спали и спали. Постепенно тени исчезли, солнце закатилось, и крылья, как вы можете догадаться, исчезли тоже.

Закат, как правило, бывает очень красив. Но вместе с сумерками наступает и прохлада. Бескрылые дети проснулись, подрагивая от холода. Они обрелись на церковной крыше. Над головами у них стали выступать ночные звёздочки, сначала по одной, по две, а потом вскоре они усыпали весь потемневший небосвод. Дети поняли, что находятся в нескольких милях от дома, что в карманах у них осталось всего три шиллинга, а к тому же при них, изобличая их в воровстве, находился краденый сифон. Они с отчаянием посмотрели друг на друга. Первым заговорил Сирил.

– Нам надо поскорее спуститься вниз и избавиться от этой штуковины, – сказал он, показывая на сифон. – Постараемся оставить его на ступеньках пасторского крыльца.

Они обнаружили маленькую дверцу.

– Наверняка через эту дверь можно попасть на лестницу, – сказал Сирил.

Так-то оно так, только дверца оказалась запертой изнутри!

Глава пятая

Без крыльев

Ночь становилась всё темнее и темнее. А до дому было так далеко! Было страшно. Антея и Джейн не смогли сдержать слез. Когда все немножечко поуспокоились, Антея спрятала свой намокший платок в карман, обняла Джейн и сказала:

– Ну, ничего. Потерпеть придётся всего одну ночь. Утром мы станем махать платками, они к тому времени высохнут, и кто-нибудь придёт и отопрёт эту дверь.

– И обнаружит сифон, – мрачно добавил Сирил, – и нас отправят в тюрьму – за воровство...

– Давайте кинем эту чертову штуку в кусты, – предложил Роберт, – и тогда нам никто ничего не сделает.

– Ага, конечно, – сказал Сирил с горькой усмешкой, – и угодим кому-нибудь в башку, и вдобавок сделаемся ещё и убийцами.

– Не торчать же нам тут всю ночь, – захныкала Джейн. – Я чаю хочу!

– Нечего тебе хотеть чаю, – сказал Роберт, – ты только недавно пообедала.

– Но я всё равно хочу чаю, – не унималась Джейн. – Я хочу домой! Пантера, я домой хочу!

– Успокойся, – стала успокаивать её Антея. – Не плачь, деточка, всё как-нибудь образуется...

– Послушайте, – сказал Сирил. – Надо всё-таки рискнуть. Я спрячу сифон под курточкой, а вы меня как-нибудь заслоните. Вон там, в доме пастора, горит свет. Значит, там ещё не спят. Давайте будем все кричать во всю мочь. Как только я скажу «три», все начинайте разом. Роберт, ты умеешь подражать паровозным гудкам, я буду кричать «ку-ии», как это делает папа, девочки, визжите, как умеете. Раз, два, три!

Четырёхголосый вопль взорвал тишину летнего вечера. У одного из окон служанка священника, задёргивавшая шторы, так и застыла с поднятой рукой.

– Раз, два, три!

Новый резкий крик пронёсся над крышей, разбудил сов и скворцов, дремавших на колокольне. Служанка опрометью кинулась от окна в кухню, с дрожью в голосе сообщила садовнику Эндрю, кухарке и её двоюродному брату, что она только что видела привидение, и тут же со страху упала в обморок. Ничего она, конечно же, не видела, но нервы у неё были так напряжены, что ей показалось, что так оно и было.

– Раз, два, три!

В этот момент пастор как раз зачем-то вышел на крыльцо. Он услышал страшный вопль собственными ушами.

– Боже мой, – обратился он к своей супруге, – там, в церкви, кого-то убивают! Дай-ка мне мою шляпу и толстую палку, да быстренько пошли за Эндрю. Видно, там орёт этот псих, который стащил язык из кладовой.

Ребята увидели просвет в дверном проёме, заметили его фигуру на крыльце и на минуту замолчали, ожидая, что он сделает дальше.

– Он подумал, что ему просто почудилось, – сказал Сирил, когда пастор пошёл в дом за шляпой. – Что вы еле-еле пишите? А ну-ка, все – изо всех сил. Раз, два, три!

Вот это был крик!

Супруга пастора повисла у мужа на шее:

– Не ходи туда! Только не один, я боюсь за тебя! – Потом кликнула служанку: – Джесси!

Служанка, очнувшись от обморока, прибежала на зов.

– Пошли сюда Эндрю, – велел ей священник. – Там, в церкви, засел опасный сумасшедший, его надо немедленно связать.

– Слышь, Эндрю, – сказала служанка, входя на кухню, – там, в церкви, орёт какой-то псих. Хозяйка велела тебе пойти и поймать его.

– Один – ни за что, – пробормотал Эндрю, а, обращаясь к хозяину, вслух сказал: – Да, сэр?

– Ты слышал, как орут? – спросил пастор.

– Да, вроде слышал, – отозвался Эндрю.

– Ну так пошли! Душенька, я в самом деле должен пойти, – сказал он супруге, легонько подталкивая её в сторону гостиной, захлопнул дверь и выбежал из дому, потащив Эндрю за руку.

Их встретил целый «залп» воплей.

– Эй ты, там, – отозвался Эндрю. – Это ты кричал?

– Да! – донеслось откуда-то сверху.

– Там он не один, – сказал пастор. – И крики несутся откуда-то из поднебесья.

– Где вы там? – прокричал Эндрю.

Ему ответил Сирил, так громко, как только мог, медленно, с расстановкой:

– ЦЕРКОВЬ! КРЫША!

– Ну так спускайтесь! – посоветовал Эндрю.

Опять отозвался только Сирил:

– Мы не можем. Дверь заперта.

– Господи! – произнёс пастор. – Эндрю, сходи принеси из конюшни большой фонарь. Да, может, позовёшь ещё кого-нибудь из деревни?

– Пожалуй, стоит, раз их там целая шайка, – согласился Эндрю. – Там, на кухне, кухаркин брат. Он вообще-то работает лесником, и у него есть ружьё.

Эндрю сходил за фонарём и кухаркиным братом. Этот последний нисколько не был взволнован.

– Много визгу, мало шерсти, – сказал он. – Настоящие злодеи никогда не поднимают шуму.

Хорошо ему было не бояться: у него было ружьё. Он шёл первым, неся в одной руке фонарь, а в другой ружьё. Следом шагал Эндрю. Пастор замыкал шествие. Они медленно поднимались по узкой винтовой лестнице всё выше и выше. Наконец кухаркин брат постучал по дверце, ведущей на крышу.

– Эй вы, там! – крикнул он.

Дети, дрожа от волнения, прильнули к двери.

– Мы здесь, – хриплым голосом отозвался Сирил.

– Как вы там оказались?

Бесполезно было говорить правду: мол, мы прилетели.

– Мы поднялись, а потом не смогли спуститься, потому что дверь заперта.

– Сколько вас?

– Четверо. Выпустите нас, пожалуйста.

– Вы вооружены?

– Мы – что? – не понял Сирил.

– Имейте в виду, у меня ружьё, так что давайте без всяких фокусов, спокойно спускайтесь по одному.

– Согласны, согласны! – закричали все хором.

– Боже ты мой, я слышу женские голоса! – изумился пастор.

– Ну что, открывать дверь? – спросил лесник.

Эндрю спустился на несколько ступенек. На всякий случай.

– Открывай, – сказал пастор.

– Засов никак не поддаётся, – сказал лесник. – Совсем проржавел. Точно его с полгодика никто не открывал.

Так оно на самом деле и было.

Когда наконец все запоры удалось отомкнуть, лесник сказал:

– Я не открою дверь, пока вы все не отойдёте на другую сторону.

– Мы отошли! – прокричали ребята.

Чувствуя себя героем, лесник открыл дверь и вылез на крышу. Он тут же опустил ружьё и чуть не выронил фонарь.

– Святые угодники! Да ведь это же ребятишки!

Пастор подошёл к ним:

– Отвечайте сейчас же, как вы сюда попали?

– О, помогите нам спуститься! – молила его Джейн, хватаясь за край его пальто. – Мы вам всё расскажем. Вы нам всё равно не поверите, но это не важно. Пожалуйста, помогите нам сойти вниз!

Все остальные тоже окружили его с теми же самыми мольбами. Впрочем, все, кроме Сирила. Он отчаянно боролся с сифоном, который то и дело выскальзывал из-под его курточки.

Их повели вниз. Это, доложу я вам, вовсе не шутки – спускаться по тёмной винтовой лестнице. Лесник на всякий случай крепко ухватил мальчиков за руки.

– Вы возьмите за руки девочонок, сэр, – обратился он к пастору. – Вы с Эндрю. С ними легче управиться.

– Да не надо с нами управляться, – вознегодовал Сирил. – Отпустите нас, мы никуда не убежим.

Детей препроводили в пасторский кабинет. Туда же вбежала супруга пастора.

– О, Вильям, ты цел? С тобой ничего не случилось? – кричала она.

Роберт поспешил её успокоить.

– Всё в порядке, – сказал он. – Мы никакого вреда не причинили вашему супругу. Пожалуйста, отправьте нас домой в вашем экипаже, если только это возможно.

– Или может быть, поблизости есть гостиница, – вступила в разговор Антея, – где можно нанять экипаж. Марта, наверно, уже очень беспокоится.

Пастор от удивления прямо рухнул в кресло.

– Но как же вы ухитрились оказаться на крыше? – недоумевал он.

– Мы поднялись туда и очень устали, – сказал Роберт. – И заснули. А когда проснулись, то дверь оказалась заперта. Тогда мы и стали кричать.

– Да уж! Так орали, что до смерти напугали всю округу. Как вам только не стыдно!

– Очень стыдно, – прошептала Джейн.

– Но кто запер дверь? – спросил пастор.

– Этого мы не знаем, – откровенно ответил Роберт. – Пожалуйста, отправьте нас домой.

– Да, пожалуй, так лучше всего, – сказал пастор. – Эндрю, запрягай лошадь и отвези их домой.

– Один я с ними ни за что не поеду, – пробурчал Эндрю себе под нос.

– И, – продолжал пастор, – пусть всё случившееся послужит вам уроком на будущее.

Ребята слушали, опустив головы. Но лесник наставления пастора не слушал. Он пристально смотрел на Сирила. Вдруг он произнёс вслух:

– Попробуйте-ка у него, чегой-то он прячет там, под курткой?

Сирил понял, что дальше скрывать уже больше возможности нет.

– Вот что, смотрите, – сказал он, набравшись храбрости и ставя сифон на стол. – Да, это мы взяли у вас из кладовой язык, и курицу, и хлеб, и воду в сифоне. Мы оставили деньги и записку. Но теперь-то мы поняли, что мы просто выглядим ворами. Нам очень стыдно, и

мы очень сожалеем. Если надо, наш папа заплатит штраф, или что там полагается. Только не отправляйте нас в тюрьму. Мама этого не переживёт.

– Но как же вы добрались до окна кладовки? – спросила супруга пастора.

– Этого я не могу сказать, – твёрдо ответил Сирил.

– Вы всю правду сказали мне? – спросил пастор, подозрительно глядя на ребят.

– Нет, – отозвалась Джейн. – Мы сказали правду, только не всю. Мы просто не можем сказать. О простите, простите нас и отвезите нас домой! – Она подбежала к жене пастора и обняла её.

– Они не виноваты, сэр, – шепнул лесник. – Наверно, они хотят выгородить какого-нибудь своего товарища. Видно, кто-то подсадил их к окну. Они, видать, ребята хорошие.

– Вы кого-то хотите защитить? – спросил пастор. – Кто-нибудь ещё участвовал во всём этом деле?

– Да, – подтвердила Антея, имея в виду Саммиэда. – Только он ни в чём не виноват.

– Ладно, не будем больше об этом. Но почему вы написали такое странное письмо?

– Не знаю, как сказать, – ответил Сирил. – Антея писала его в спешке. И тогда нам казалось, что это вовсе и не воровство. А потом, когда дверь оказалась запертой, получилось так, что мы украли у вас и еду, и сифон. Мы очень жалеем, что так...

– Забудем, – сказала жена пастора. – Только в следующий раз подумайте раньше, чем утаскивать чужие языки и кур. А теперь попейте-ка молочка с домашними лепёшками, прежде чем отправиться домой.

Когда Эндрю пришёл доложить, что лошадь запряжена, думая о том, в какую ловушку он может угодить по дороге, он увидел, что ребята пьют молоко, уплетают лепёшки и смеются над шуточками, которые отпускает его хозяин, а Джейн сидит у хозяйки на коленях.

В общем, на этот раз всё ребятам сошло с рук легче, чем они того заслуживали.

Лесник попросился поехать с ними, чтобы попасть к себе домой. Эндрю несказанно этому обрадовался. Это спасёт его от ловушки, в которую он, по его твёрдому убеждению, должен был попасть.

Когда экипаж подъехал к их дому, ребята уже сильно клевали носами. Но за время пути они успели крепко подружиться с лесником. Эндрю, не говоря ни слова, высадил ребят у железных ворот.

– Ты давай возвращайся, – сказал лесник Эндрю. – У меня тут дружок неподалёку, он меня на своей кобылке довезёт.

Лесник проводил ребятшек до ворот, и, когда ураган упрёков Марты унёс их в кровати, он так всё разобъяснил Марте, кухарке и горничной, что наутро Марта вовсе на них не сердилась. После этого случая он довольно часто захаживал навестить Марту, и дело кончилось тем, что они... Впрочем, это уже совсем другая история.

Глава шестая

Замок и никакого обеда

На следующий день отлучиться из дому было позволено только Роберту. Он выдумал какой-то там благовидный предлог. Всем остальным Марта велела даже и не надеяться выйти за дверь. Надо же было их как-то приструнить за все их шалости.

– А не то они совсем отобьются от рук, – сказала она кухарке.

Правда, ей было немного жаль морить их в доме в такую хорошую погоду. Поэтому она добавила:

– Но ты им всё-таки испеки сладкий пирожок к чаю. Это их немного утешит.

Нетрудно догадаться, что за неотложные дела нашлись у Роберта. Только успев выйти за калитку, он тут же припустился бегом к песчаному карьеру. Надо же было загадать сегодняшнее желание!

В этот раз найти Саммиэда не представляло никакого труда. День был таким жарким, что он сам выбрался из своего песчаного убежища и сидел на мягком песочке, потягиваясь и почёсываясь, вращая во все стороны своими выпученными глазами.

– Эге! – воскликнул он, уловив своим левым глазом приближающегося Роберта. – А остальные-то где? Надеюсь, они не разбились вдребезги, летая на крыльях, а?

– Да нет, – отозвался Роберт. – Только с крыльями опять вышла сплошная ерунда, как и с прошлыми нашими желаниями. Теперь они все сидят взаперти, а меня одного отпустили только на полчаса. Пожалуйста, исполните моё желание побыстрее.

– Валяй желай, – сказал Саммиэд, два раза повернувшись на мягком песке.

А Роберту, как назло, лезла в голову всякая чушь, то ему хотелось перочинный ножичек, то ирисок, то альбом с иностранными марками. И ничего такого, что могло бы заинтересовать всех, так и не приходило на ум.

– Ну? – торопил его Саммиэд. – Давай говори. Время уходит.

– Да не знаю я, – с досадой на себя откликнулся Роберт. – Выполните лучше какое-нибудь их желание, чего они там дома сами пожелают.

Сказав это, Роберт вдруг испугался, не придумают ли они там какую-нибудь очередную глупость.

– Нет, нет, – поспешил он добавить, но было уже поздно.

Саммиэд раздулся, увеличился втрое, потом резко выдохнул воздух и уменьшился до своих обычных размеров.

– Всё, – сказал он. – Ох и трудно же мне это далось! Но всё-таки получилось. А теперь беги домой.

Роберт бежал, прямо, можно сказать, летел к дому. Вот он добежал до поворота, откуда должна была уже виднеться крыша их дома... Но тут он перешёл на шаг. Потом и вовсе остановился. Что за притча? Никакого дома, никакого сада на месте не было. Роберт протёр глаза и взглянул снова. Ну, конечно. Кто-то из ребят, а может, все разом захотели жить в замке. И вот перед ним высился мрачный замок с бойницами и стрельчатыми окнами, с восемью высоченными башнями, а в том месте, где был их сад, появились какие-то белые сооружения, похожие на грибы. Он подошёл поближе. Боже! Никакие это не грибы. Это воинские шатры, а рядом с ними расхаживали несметные полки вооружённых воинов. Его сёстры и брат пожелали оказаться в осаждённом замке! В одном из окошек наверху кто-то махал чем-то сереньким. Роберт догадался, что это грязноватый носовой платок Сирила. Он достал свой платок, махнул в ответ и сразу понял, что совершил ошибку. К нему тут же направились двое из осаждающих воинов со стальными шлемами на головах. В своих высоких сапожищах на длинных ногах они приближались к нему с такой угрожающей быстротой, что Роберт, вдруг ощутив себя маленьким

мальчиком, застыл на месте и не решился бежать. Бежать было всё равно бесполезно, к тому же он боялся рассердить приближающихся к нему воинов. Этим последним такое поведение пришлось по душе.

– Клянусь всеми святыми, этот мошенник не из трусливого десятка! – воскликнул один из них.

Роберту понравилось его замечание, «мошенника», правда, он пропустил мимо ушей.

– Странное на нём одеяние, – сказал второй. – Уж не чужестранец ли?

– Ответствуй, отрок, что привело тебя в здешние края?

– С вашего разрешения, я хотел бы пройти в свой дом, – ответил Роберт.

– Ну, так гряди, куда тебе нужно.

Роберт с трудом понимал их речь. Так говорили герои исторических романов, которые доводилось ему читать.

– Стой, погоди! – вдруг спохватился воин, тот, чьи сапоги были подлиннее и сам он был повыше. – Уж не несёшь ли ты вестей к тем осаждённым?

– Где обиталище твоё, молви, юный рыцарь? – спросил Роберта тот, на ком шлем был побольше.

– Вон там, – махнул рукой Роберт, а сам подумал: может, надо было сказать «там эвот».

– За нами шествуй, – сказал тот, что в длинных сапогах, – предстанешь пред вождем.

Пусть он рассудит.

Роберта повели к вождю. Вождь выглядел в точности так, каким он бывал на картинках в исторических романах. Он сидел на коне, в блестящих доспехах, с мечом в руке, со щитом – в другой, на шлеме у него красовался плюмаж из перьев, однако Роберту показалось, что всё это блестящее вооружение было каким-то странным образом собрано из самых разных исторических эпох.

– В чём цель твоя? – спросил вождь. – Поведай мне всю правду, отрок. Не опасайся. Вульффрик де Тальбот не причинит тебе зла.

Роберт вдруг подумал, что этот рыцарь, который и сам-то был не чем иным, как исполненным Саммиэдом желанием, поймёт гораздо быстрее, если ему рассказать всё, чем Марта, или цыгане, или вчерашний пастор. Только вот какая тут была заковыка: Роберт боялся, что он не наберёт достаточно старинных слов, какими обычно говорят герои исторических романов. Но он попробовал:

– Грамерси, добрый рыцарь, за твои приветливые речи. Видишь ли, наши родители в отъезде, а мы натолкнулись на Саммиэда, играя в песчаном карьере.

– С нами крестная сила! – воскликнул рыцарь. – Что это такое Самми-эдд?

– Ну, это такая фея, или, если позволишь, такой чародей. Ну да, скорее, его можно назвать чародеем. И он каждый день исполняет по одному желанию. Сперва мы захотели быть красавцами, потом мы попросили денег – ну, сокровищ, понимаешь? А вчера мы попросили крылья, и сперва всё было здорово...

– Как? – не понял рыцарь.

– Ну, всё было хорошо, а потом мы попали впросак...

– Куда попали? Что такое «просак»? Это такая тюрьма?

– Да нет, не тюрьма, а просто очень трудное положение. И теперь мы наказаны и должны сидеть дома. И всё это из-за Саммиэда. Ну, из-за этого чародея. Хоть бы нам никогда его не встретить!

– И что, это такой могучий чародей?

– Да. Очень сильный и могущественный.

– Что кроется в твоих речах? Уж не мнишь ли ты, что чары его придали силы моему войску, осадившему замок?! – воскликнул доблестный вождь. – Знай же, что Вульффрик де Тальбот не нуждается ни в каком чародействе и сам способен вести своё войско к победе.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться с ним Роберт. – Но всё же это немного и его вина. И наша тоже. Вас бы тут не было, если бы не мы.

– Что это значит? – спросил сэр Вульфрик сердито. – Речи твои темны и неучтивы. Что кроется за ними?

– Ох, – вздохнул Роберт с отчаянием. – Вы, конечно, не можете этого знать, но вас на самом-то деле нет. Вы здесь только потому, что кто-то из моих сестёр или брат сдуру пожелали оказаться в осаждённом замке. С заходом солнца вы исчезнете.

Вождь и воины переглянулись. И тот, что был в самых длинных сапогах, сказал:

– Будь осторожен, мой благородный лорд. Мальчишка только делает вид, что он помешан, для того чтобы ускользнуть. Не связать ли нам его?

– Я ничуть не более сумасшедший, чем вы все, – огрызнулся Роберт. – Только я был дураком, подумав, что вы всё сможете понять. Отпустите меня, я не сделал вам ничего плохого.

– Далеко ли собираешься направить свои стопы? – спросил вождь.

– Домой, конечно, – сказал Роберт, махнув рукой в сторону замка.

– Чтобы передать вести о необходимости подкрепления? Этому не быть!

– Ну, ладно, – отозвался Роберт, у которого блеснула одна мысль. – Тогда я пойду в другую сторону. Думается, доблестный рыцарь, сэр Вульфрик де Тальбот, не сочтёт для себя возможным пленить мальчишку, который ничего дурного не сделал и хочет убраться... удалиться, не причинив никому никакого вреда.

– Ты смеешь поучать меня! – вскипел рыцарь. Впрочем, тут же успокоившись, добавил: – Ты прав, однако. Сэр Вульфрик де Тальбот не воюет с младенцами. Иди, а Джейкин пойдёт с тобой.

– Джейкин получит удовольствие, – пробурчал Роберт. – Пошли, Джейкин. Приветствую тебя, сэр Вульфрик!

Он козырнул совсем даже не по-старинному и пустился бежать в сторону песчаного карьера. Джейкин на своих длинных ногах легко поспевал за ним.

Роберт разыскал Саммиэда, торопливо откопал его, разбудил и стал молить исполнить ещё одно желание.

– Да я ведь уже одно исполнил, – возмутился Саммиэд, – и к тому же такое трудное, как никогда в жизни.

– О, пожалуйста, сделай, сделай, сделай, – просил Роберт.

А Джейкин в ужасе, с открытым ртом, уставился на говорящего зверя, который тарасил на него свои улиточьи глаза.

– Ну, чего тебе? – проворчал Саммиэд сонным голосом.

– Пусть я окажусь там, где братья и сёстры!

Саммиэд начал раздуваться. Роберту в голову не пришло попросить, чтобы замок и осаждающие его исчезли. Он, конечно, знал, что всё это результат желания кого-то из ребят, но и воины, и их вооружение казались такими реальными, что пожелать, чтобы всё это исчезло, Роберту показалось невозможным. На мгновение он потерял сознание, а когда пришёл в себя, то увидел, что вокруг него собрались сёстры и брат.

– А мы и не слыхали, как ты вернулся! Как здорово ты всё сделал, чтобы исполнилось наше желание.

– Здорово-то здорово, – проворчал Роберт. – Только я чуть не погиб из-за ваших дурацких желаний.

И Роберт рассказал им всё, что с ним произошло.

– Мы пока ещё ничего не предпринимали, – сказала Антея. – Мы ждали тебя. Мы думаем стрелять в них через эти вот бойницы из лука, который нам подарил дядя.

– Да вы что?! – воскликнул Роберт. – Ведь у них самые настоящие луки и стрелы, а ещё сабли, пики и кинжалы. Они могут что хочешь, даже поубивать нас всех. Джейкин говорил,

что штурм начнётся перед заходом солнца. Нам надо как-то успеть подготовиться. Есть ли в замке охраняющие его солдаты?

– Да мы не знаем, – сказал Сирил. – Сразу же, как я пожелал, чтобы мы оказались в осаждённом замке, всё завертелось-закрутилось, а когда успокоилось, мы выглянули в окно и увидели лагерь и тебя на дороге. Так мы и не отходили от окна. Отличная комната, погляди, ну прямо как в настоящем замке!

Комната была квадратная, с толстыми каменными стенами и сводчатым потолком. Маленькая дверь в углу выходила на лестницу. Каменные ступени вели вверх и вниз. Ребята спустились по лестнице и оказались на дворе, вымощенном каменными плитами и окружённом со всех сторон высоченными стенами замка. Посреди двора стояла Марта и как-то странно водила правой рукой вправо и влево. Неподдалёку находилась кухарка и тоже как-то непонятно жестикулировала руками. Но самое странное, и даже ужасное, было то, что Ягнёнок сидел прямо на воздухе, ни на чём, в трёх футах от земли и весело смеялся.

Антея бросилась к нему и хотела взять его на руки, но Марта сказала сердито:

– Оставьте его в покое, мисс, он прекрасно себя ведёт сегодня.

– Но что он делает? – спросила Антея.

– Как что делает? – отозвалась Марта. – Сидит себе, как ангелочек, на своём стульчике и смотрит, как я глажу бельё. Не мешайте мне, у меня стынет утюг.

Кухарка в это время совала невидимый противень в невидимую духовку.

– Уйдите, – сказала она ребятам. – Я и так припозднилась с обедом.

Они вошли в дверь и в первой же комнате сели на деревянную скамью, которая шла вдоль всей стены.

– Ужас какой-то! – воскликнули Антея и Джейн одновременно. А Джейн добавила:

– Мне кажется, я нахожусь в сумасшедшем доме.

– Что это всё может означать? – вопрошала Антея. – Жутко как-то. Лучше бы уж мы пожелали чего-нибудь попроще. Лошадь-качалку, или ослика, или что-нибудь в этом роде.

– Теперь уже поздно желать, – с горечью заметил Роберт.

А Сирил сказал:

– Заткнитесь на минуточку. Мне надо подумать.

Помолчав, он заявил:

– Послушайте, я думаю, ничего страшного. Дело обстоит так. Вы все помните, что мы пожелали, чтобы слуги наших желаний не замечали. Поэтому они ни замка, ничего прочего и не видят даже. Так что замок находится на том самом месте, где был, а вернее, где и стоит наш дом. Так что слуги по-прежнему только его и видят. А мы не можем видеть наш дом, потому что мы видим замок, а они не могут видеть замок, потому что...

– Ой, перестань! – перебила его Джейн. – У меня голова закружилась, как на карусели. Хорошо бы нам хоть обед-то увидеть! А если и обед будет невидим, то и есть будет нечего. Я попробовала дотронуться до креслица, в котором сидел Ягнёнок, но его не только не было видно, но и потрогать было нельзя – там как будто был только воздух. Но воздух не съешь, а я голодная, как будто я вообще никогда ничего не ела.

– Ладно, – сказала Антея. – От разговоров никакого толку. Давайте лучше осмотрим весь замок, может, найдём что-нибудь съедобное.

От этих слов в каждом пробудилась надежда. Они занялись обследованием замка. И хотя это был самый прекрасный замок, какой можно было только вообразить, замечательно обставленный, ни еды, ни охраны в нём не обнаружилось.

– Отчего ты не пожелал такой замок, в котором были бы и еда, и солдаты? – упрекнула брата Джейн.

– Всё сразу и не сообразишь, – вступилась за брата Антея. – А вот что я думаю, так это то, что сейчас как раз настало обеденное время.

И вскоре они увидели, как Марта несёт невидимый поднос. К счастью, столовая в доме оказалась как раз там, где в замке располагался пиршественный зал. Они смотрели на то, как Марта режет невидимую баранью ножку, раскладывает по тарелкам невидимую картошку и зелёный горошек. Когда Марта вышла из комнаты, они с тоской поглядели друг на друга. Стол был пуст.

– Ну, уж это никуда не годится! – воскликнул Роберт. – Это хуже всего!

– А мне есть расхотелось, – сказала Антея, стараясь, как всегда, примириться с неизбежным.

Сирил угрюмо подтянул ремень. Джейн ударилась в слёзы.

Глава седьмая

Осада замка

Дети сидели в мрачном пиршественном зале, сгрудившись на одном конце длинного стола для рыцарских пиров. Надежды не было. Марта принесла обед, но еда оказалась невидимой, и ощутить её было нельзя, и даже нельзя было понюхать. Они впустую возили руками по столу, но осязали только голую дубовую столешницу.

Вдруг Сирил что-то нащупал у себя в кармане.

– Ой! – воскликнул он. – Поглядите-ка, печенье!

Печенье разломалось и раскрошилось, но всё-таки это было печенье!

– Меня сегодня утром угостила кухарка, – сказал Сирил, – только я про него совершенно забыл.

Он разделил уцелевшие печенье – и обломки, и даже крошки – на четыре равные кучки. Всё было мгновенно с восторгом съедено.

– Послушай-ка, Сирил, – сказал Роберт, – вот ты такой умный и всё можешь объяснить. Скажи-ка, каким образом печенье не сделалось невидимым?

– Ну, не знаю, может, потому, что мы сами не сделались невидимыми, а оно было в моём кармане.

– Значит, – продолжал Роберт, – баранина не станет видимой, пока не окажется у нас во рту?

– Или в кармане, – задумчиво произнесла Джейн, вспомнив про печенье.

– Кто когда клал баранину в карман, дурёха? – возмутился Сирил. – Но я, во всяком случае, хочу кое-что испробовать.

Он нагнулся к самому столу и стал щёлкать зубами, как бы кусая воздух.

– Ничего не получится, – сказал Роберт. – Ты всего лишь... Эге!

Сирил аж вскочил с места. Во рту у него оказался кусочек хлеба. Только тот, что он успел откусить. Однако Сирил, хоть и не мог видеть, но точно знал, что в руке у него есть хлеб. Он куснул воздух возле пальцев – и опять у него во рту оказался кусочек хлеба. Тут все остальные, низко наклонившись к столешнице, стали мотать головами и щёлкать зубами. Вскоре у Роберта во рту обнаружился кусок баранины.

Я лучше не буду дальше описывать эту малоэстетичную картину. Могу только сказать, что баранины довелось отведать всем.

Когда Марта пришла переменить тарелки, она всплеснула руками и сказала, что такого безобразия на столе она отродясь не видала. И когда она обещала на сладкое принести пудинг с вареньем, то все дружно запросили не поливать пудинг вареньем, не мазать мёдом и не посыпать сахаром.

– Просто пудинг без всего, пожалуйста, – попросили они.

– Ну надо же! – воскликнула Марта. – Что дальше-то будет?

И ушла, только махнув рукой.

Поев, они немного повеселели и даже набрались некоторой храбрости. Роберт в качестве командира оборонительного отряда предложил подняться на одну из замковых башен и произвести осмотр неприятельских позиций. Мурашки побежали у них по спинам, когда они увидели, что неприятельские воины усердно заняты тем, что точат и начищают до блеска своё оружие. По дороге к замку приближался большой отряд. Лошади волокли толстенное бревно. Ясно было, это для того, чтобы таранить им замковые стены.

– Хорошо хоть, – сказал Сирил, – что замок окружён рвом, да и мост, слава богу, разведён. Но нам всё равно надо готовиться отразить нападение.

– А как ты собираешься готовиться? – спросила Антея.

– Мы должны как следует вооружиться, а когда они ринутся в атаку, стрелять в них из всех сил.

– В прежние времена на всех осаждающих лили расплавленный свинец, – сказала Антея. – Папа однажды, когда мы осматривали старинный замок, показал такие отверстия, через которые этот свинец лили прямо врагам на головы. В нашем замке тоже такие отверстия есть.

– Я рада, что это только игра, – сказала Джейн, – ведь это только игра, правда?

Никто ей не ответил.

Ребята разыскали в замке массу всякого старинного оружия. Им ничего не стоило «как следует» вооружиться. Но только все эти мечи, копыя, пики и арбалеты были такие тяжеленные, что им и поднять-то их было не под силу.

– Послушайте, – сказал Сирил, – я видел кучу камней на другой стороне двора. Давайте перетащим их сюда и будем кидать им в голову, если они вздумают переплывать ров.

Так что вскоре возле них выросла груда камней. А они ещё собрали все ножи и лёгкие кинжалы. Их тоже можно было кидать во врагов.

Когда Антея отправилась вниз за последней порцией камней, её вдруг осенила блестящая мысль. Она подошла к Марте и попросила:

– Дай нам, пожалуйста, немного печенья к чаю. Мы будем играть в осаждённый замок, и это будет как будто провиант для гарнизона. Только положи его мне прямо в карман, а то у меня руки вон какие грязные! А другие сами придут за своей порцией печенья.

Свинца, тем более расплавленного, в замке, конечно же, не нашлось. Вместо этого ребята притащили несколько кувшинов холодной воды, чтобы вылить её на головы вражеских воинов.

Время после обеда пролетело быстро. Никто из них, кроме Роберта, не представлял себе, что им грозит настоящая опасность. Остальные видели вражеский лагерь издали, всё казалось им чем-то напоминающим игру.

Когда настало время пить чай, они поели печенья, запивая его колодезной водой, налитой в рог. Сирил настоял, чтобы часть печенья была оставлена про запас, поддержать того, кто, возможно, очень ослабеет во время битвы. Как раз в ту минуту, когда он складывал печенье в каменную нишу, которая, возможно, должна была служить шкафом, раздался оглушительный призывный звук трубы.

– Вы поняли наконец, что это вовсе не игра?! – воскликнул Роберт. – Теперь они ринутся на приступ!

Все бросились к узким бойницам.

– Смотрите, – продолжал Роберт. – Вон они все выползают из своих шатров, точно муравьи. Вон этот противный Джейкин вертится возле моста. Мне бы очень хотелось, чтобы он увидел, как я покажу ему язык. Э-э! Вот тебе!

Все остальные сделались бледными как полотно, и никому из них не захотелось показывать язык. Они с уважением посмотрели на Роберта.

– Какой ты храбрый, Роберт, – сказала Антея.

– Вздор, – отрезал Сирил, и бледное его лицо залилось краской, – Роберт всё утро готовился воевать, а я вовсе об этом и не думал. Я в секундошку сделаюсь храбрее, чем он.

– Да не всё ли равно, кто из вас храбрее?! – воскликнула Джейн. – Я только знаю, что Сирил придумал глупую игру, а я в эту игру играть не желаю.

– Это вовсе никакая не игра... – начал было Роберт, но Антея перебила его:

– Конечно же, игра, успокойся, Джейн. А если даже и нет, то из книг известно, что все цивилизованные воины обычно щадят женщин и детей.

– А кто тебе сказал, что они цивилизованные? – продолжала тревожиться Джейн. – Они кажутся такими дикими, такими древними...

Ребята снова пододвинулись к узким бойницам и стали смотреть на осаждающих.

Трубач в это время подошёл к самому краю рва, который показался им гораздо уже, чем казался прежде, и затрубил громко и протяжно. Когда звук трубы смолк, стоявший рядом с трубачом воин закричал; и слова его были отчётливо слышны ребятам, притаившимся в надвратной зале.

– Эй вы, там!

– Чего надо? – грозным голосом откликнулся Роберт.

– Именем нашего славного короля и нашего предводителя, бесстрашного рыцаря Вульфрика де Тальбота, мы требуем, чтобы вы сдались. Иначе вам грозит огонь, острые мечи и полный разгром. Сдаётесь?

– Ни за что! – громовым голосом заорал Роберт. – Никогда, никогда, никогда!

– Ну, тогда избранная вами судьба падёт на ваши же головы!

– Не трусьте, – хриплым шёпотом скомандовал Роберт остальным. – Стучите кинжалами погромче, побольше шуму, пусть думают, что замок охраняет огромное войско.

– Давайте крикнем все разом – гип-гип-ура! Гип-гип-ура!

Надо заметить, что крики эти прозвучали не так уж грозно, но угрожающий звон кинжалов здорово ободрил «защитников замка». Снизу, со стороны лагеря, опять донеслись громкие требования сдаться, и тут осаждённые поняли, что штурм замка и в самом деле начался.

В замковой зале стали понемногу сгущаться сумерки, и Джейн это слегка ободрило, она подумала, что, может быть, уже недалеко и до заката.

– Ров такой узенький, – заметила Антея с отчаянием в голосе.

– Но им не попасть в замок, – сказал Роберт, – даже если они его переплывут.

Но не успел он это проговорить, как на наружной лестнице послышались тяжёлые шаги и стальной звук задевшего о камень меча.

Тяжёлая поступь и звон меча удалялись, направляясь в сторону замковой башни. Роберт подскочил к двери. Он снял ботинки.

– Ждите здесь, – прошептал он и стал бесшумно красться вслед за удалявшимися шагами. Он осторожно заглянул в помещение башни. Там находился человек. И это был Джейкин! С него капала вода – значит, он переплыл ров! И он возился возле механизма, который, как догадался Роберт, должен был привести в действие подъёмный мост. Роберт торопливо захлопнул дверь и сумел повернуть в замке огромный железный ключ до того, как Джейкин успел выскочить из башни. Роберт бросился вниз по лестнице, вбежал в маленькую башенку. Там оказалось большое окно, которое было настежь распахнуто.

– Вот что нам надо было защищать! – крикнул он остальным, когда те прибежали следом.

Надо сказать, что Роберт оказался у окна как раз вовремя: ещё один воин, перебравшийся через ров, уже цеплялся за край карниза.

Роберту совсем не было ясно, как же тот сумел вскарабкаться по отвесной стене. Не теряя ни секунды, он схватил с пола валявшийся там железный брус и изо всех сил саданул им по пальцам, вцепившимся в карниз. Вражеский воин с громким плеском плюхнулся в ров. В следующий момент Роберт выскочил из башенки, захлопнул дверь, и вдвоём с Сирилом они задвинули тяжёлый железный засов.

Но тут раздался треск и грохот, замок точно содрогнулся: это опустился подъёмный мост. И сразу же до них донёсся цокот копыт и чеканный шаг пешего войска.

– Быстро вверх! – скомандовал Роберт. – Будем бросать в них камни.

Тут даже девочки расхрабрились, и из окон на вражеское войско полетел град камней. Снизу послышались крики и даже стоны. Но тут им показалось, что по мосту что-то везут. Через минуту что-то тяжёлое ударило в стену замка. Это был глухой удар тарана.

– Боже мой! – воскликнула Джейн. – Может, нам всё-таки сдаться?

– Ни за что! – отозвался Роберт. – Уж если хочешь, мы можем пойти на переговоры. Но мы никогда не сдадимся.

– Давайте выкинем белый флаг – то есть будем махать платками и попросим о переговорах, – умоляла перепуганная Джейн. – По-моему, солнце сегодня вообще не собирается садиться.

– Сначала выльем воду на головы этих негодяев! – потребовал Роберт. – Антея, дай мне кувшин с водой.

Он подобрался к треугольному выступу в середине стены и стал лить воду в отверстие, предназначенное для стрельбы из лука. Крики: «Сдавайтесь!» и «Да здравствует Тальбот!», а также удары в стену тут же смолкли. Маленькая комната, где они находились, вдруг закружилась-завертелась, и когда ребята пришли в себя, то выяснилось, что они находятся в большой спальне своего дома, целые и невредимые. Они столпились у окна. Ни рва, ни вражеского войска, ни подъёмного моста. Только их сад, георгины, и астры, и поздние розы. Да спокойная с белой пылью дорога за железной изгородью. Все облегчённо вздохнули.

– Всё прекрасно! – воскликнул Роберт. – Я же вам говорил. И, заметьте, мы ведь не сдались!

– Так, может, вы рады теперь, что я пожелал оказаться в осаждённом замке? – спросил Сирил.

– Теперь, пожалуй, что и так, – сказала Антея. – Только, братец, милый, больше не высказывай таких желаний.

– Как всё было замечательно! – неожиданно заявила Джейн. – Я ну вот нисколько не боялась.

Сирил хмыкнул, но Антея погрозила ему:

– Перестань.

Вдруг дверь с шумом распахнулась.

– Совести у вас ни на грош!

В комнату ворвалась разъярённая Марта.

– Не можете не куролесить! Уж не имеет права человек постоять на крылечке и глотнуть глоточек свежего воздуха, чтобы ему не опрокинули на голову полный кувшин воды! Быстро отправляйтесь спать и чтобы завтра проснулись паиньками!

Все кинулись извиняться и оправдываться, но Марта и слушать не стала, просто вышла из комнаты, хлопнув дверью. Ну в чём они были виноваты? Их ли вина, что, когда они собрались лить воду на осаждающее их войско, в этот самый миг зашло солнце и всё изменилось?

Глава восьмая

Больше, чем разносчик булочек

- Послушайте, – сказал Сирил, – мне явилась отличная мысль.
- И у тебя не лопнула от этого твоя умная голова? – съязвил Роберт.
- Заткнись. Я говорю серьёзно.
- Прекрати, Боб, – вмешалась Антея.
- Внимание, господа! Сирил толкает речь! – продолжал иронизировать Роберт.

Сирил взобрался на бочку, куда собирали дождевую воду для полива, слегка побалансировав, обрёл равновесие и начал:

– Друзья, сограждане и... женщины! Мы с вами нашли Саммиэда. Мы высказали несколько желаний, и ничего путного из этого не получилось.

– Зато не было скучно, а это уже кое-что, – прокомментировал Роберт.

– И вот сегодня в тишине глубокой ночи я подумал...

– Ты ещё и думать умеешь? – перебил его Роберт.

– ...я подумал, – продолжал Сирил, – что в головах у нас роятся всякие желания, но, когда их надо немедленно высказать, они куда-то улечиваются.

– Внимание! Внимание! – снова перебил его Роберт.

– Поэтому все желания должны быть обдуманы заранее. Что-нибудь путное может родиться даже в голове у Роберта, если, конечно, выдержат его слабые мозги... Перестань, Боб, ты сейчас перевернёшь бочку!

Да... Возможно, борьба на краю бочки с водой и может показаться увлекательным занятием, но, увы, при этом нельзя уберечься и не вымокнуть до нитки.

Когда битва закончилась и мальчишки до какой-то степени пообсушились, Антея сказала:

– Ну, довольны? Вообще-то, Роберт, ты начал первый. Но теперь помиритесь, и позволь Сирилу продолжать. Мы и так потеряли зря целое утро.

– Ладно, мир, – сказал Сирил, выжимая остатки воды из полы своей куртки.

– Хорошо, мир, – сказал Роберт, – но, однако, у меня вон какая гуля над правым глазом.

Антея протянула ему свой не первой свежести носовой платок, и он молча стал делать холодные примочки.

– Так что ты хотел сказать, Сирил?

– Вот что, – отозвался Сирил. – Давайте во что-нибудь поиграем. Например, в разбойников, или в бандитов, или крепость построим. Скорее всего, мы сможем придумать какое-нибудь хорошее желание, если пока ни про какое желание вовсе не станем думать. Оно само придёт нам в голову. Я знаю, что так иногда случается.

Все с ним согласились и дружно решили играть в разбойников. Роберт сначала принял эту идею без энтузиазма. Но потом вдохновился, когда Антея выпросила у Марты красный платок, в котором утром лесник принёс ей грибов, и Антея повязала им Роберту голову и сказала, что он будет раненым разбойником, который накануне спас жизнь атаману разбойничьей шайки. Все срочно вооружились. За спины были закинута луки со стрелами, а заткнутые за пояса зонты и крокетные биты славно служили мечами и саблями. Коляска Ягнёнка была покрыта клетчатой скатертью. Она должна была послужить транспортом, в котором разбойники увозили награбленное. Надо заметить, что Ягнёнок как раз в это время спал в коляске. Разбойники двинулись по дороге, которая вела к песчаному карьёру.

– Надо оказаться поближе к Саммиэду на тот случай, если мы что-нибудь стоящее придумаем.

Игра шла почему-то очень вяло, и все даже снова чуть было не перессорились, как вдруг на дороге показался мальчик, который служил у булочника и по его поручению разносил булки клиентам.

– Стой! Сдавайся! – крикнул Сирил.

– Кошелёк или жизнь! – возопил Роберт.

И они окружили мальчишку с булками. Но тот решительно не понял и не принял их игру. Был он довольно рослый и сильный.

– Да пошли вы, – сказал он и весьма непочтительно растолкал разбойников по обе стороны.

Роберт выхватил из кармана скакалку, которую дала ему Джейн и которая была предназначена служить лассо. Он хотел накинуть лассо парню на плечи, но вместо этого обмотал ему ноги. Тот повалился в дорожную пыль, а свеженькие румяные булочки раскатились по земле. Девчонки кинулись их поднимать, а между парнем и Робертом разгорелся горячий бой. И поскольку это был поединок, Сирил не позволил себе вмешиваться. Но рыцарские правила борьбы булочному разносчику были неизвестны, и он поставил Роберту фонари под оба глаза и задал ему основательную трёпку. В общем, Роберта во второй раз в этот день побили, и с этим ничего не поделаешь, потому что мне надо говорить правду о том, что было.

– Ты у меня ещё узнаешь, – проговорил мальчишка булочника и, подобрав булки, отправился по своим делам.

А компания неудавшихся разбойников двинулась вниз к песчаному карьеру.

Понурые, они расселись на песке рядом с чуть не плачущим Робертом.

Роберт, полный гнева, и руками, и ногами зарылся в песок.

– Ничего, пусть подождёт, пока я вырасту. Свинья! Гад! Ненавижу его! Я с ним ещё поквитаясь. Пусть пока радуется, что он больше меня.

– Но ты первый начал, – неосторожно заметила Джейн.

– Сам знаю, дурёха, – огрызнулся Роберт. – Я с ним только хотел поиграть, а он начал драться ногами. Поглядите.

Он спустил гольф и показал розово-красную царапину на ноге.

– Хотелось бы мне быть в десять раз больше него, – добавил Роберт.

Тут он вскочил, потому что его пальцы дотронулись в песке до чего-то мохнатого. Конечно же, это был Саммиэд. И, конечно же, в следующую минуту желание Роберта было исполнено. И, ясное дело, он стал больше мальчишки булочника. О, гораздо, гораздо больше! Он был выше того полицейского, который стоял возле их дома в Лондоне на углу и всегда помогал старушкам перейти дорогу. Он был самым высоким человеком, которого мне довелось в жизни встретить. Ни у кого в кармане не оказалось рулетки, которой можно было Роберта измерить. Он был выше вашего папы, если бы тот при этом забрался бы маме на голову, чего он, конечно, никогда не позволил бы себе сделать. Его одежда, по счастью, увеличилась вместе с ним.

– Саммиэд снова подловил нас, – сердито проговорил Сирил.

– Не нас, а меня, – буркнул Роберт. – И если бы вы были настоящими братом и сёстрами, вы бы попросили, чтобы он и вас сделал такими же. Вы не догадываетесь даже, как глупо я себя чувствую.

– И не подумаю просить его, – сказал Сирил, – я вижу, как по-дурацки это выглядит.

Антея перебила его:

– Прекрати, Сирил! Да что с вами, мальчишками, сегодня происходит? Ты пойми, как тяжело Роберту быть таким одному. Нам надо попросить, если быть честными, чтобы Саммиэд выполнил ещё одно желание и сделал нас такими же большими, как Роберт.

Все повздыхали, но всё же согласились с Антей.

Но Саммиэд и не думал выполнять их желание.

– Нетушки, – сказал он, вытирая мордочку лапами. – Пусть походит в таком виде один, это послужит ему уроком. Как он посмел копать в песке мокрыми руками? Он чуть было не вымочил меня! Какой-нибудь мальчишка из каменного века и то имел бы больше здравого смысла.

У Роберта и правда руки были влажными от слёз.

– Я никак не могу взять в толк, – продолжал Саммиэд, – почему вы не можете высказать ни одного толкового желания. Например, попросили бы чего-нибудь вкусенького, или хороших манер, или хороших характеров. Пожалуйста, уйдите отсюда!

Он сердито повернулся к ребятам спиной и тут же зарылся в песок.

– Что же нам теперь делать? – задали все по очереди один и тот же вопрос.

– Вначале я разберусь с этим малым из булочной, – мрачно отозвался Роберт. – Мне ничего не стоит его догнать.

Разумеется, ему было нетрудно догнать парня. Тот, весело помахивая пустой корзиной, спускался с холма на дорогу, где его ждал хозяин со своей тележкой, успевший развезти свежий хлеб своим постоянным клиентам. Роберт притаился за высоченным стогом сена, сложенным на фермерском дворе, и, когда он услышал, что мальчишка, посвистывая, приближается к этому двору, он выскочил из-за стога и схватил его за шиворот.

– Ну, теперь ты у меня узнаешь, как драться ногами и бить тех, кто меньше и слабее тебя, – закричал он, и голос его был похож на раскаты грома. Он сгрёб парня в охапку и посадил его на самый верх стога. Сам Роберт уселся на крышу коровника и долго говорил парню, что он о нём думает. А тот вряд ли услышал и понял, что ему говорят, он был в полном шоке от ужаса. Высказав всё, а кое-что даже повторив два раза, Роберт ещё раз хорошенечко потрянул булочного мальчишку и ушёл, бросив напоследок:

– Слезай сам как знаешь!

Как он слез, нам не известно, известно только, что хозяин, не дождавшись его, уехал домой, а когда парень наконец доковылял пешком до дому, ему задали такую трёпку, что небу стало жарко.

Вернувшись, Роберт обнаружил всю компанию в саду. Они предусмотрительно успели попросить Марту принести еду в сад, потому что в их маленькой столовой Роберту было просто не поместиться.

Хорошо выпавшийся Ягнёнок вдруг пару раз чихнул, и Марта на всякий случай забрала его в дом и уложила в постельку. Затем она вынесла в сад телятину с печёной картошкой, а на сладкое пудинг из саго со сливовой подливкой.

Как обычно, она и не заметила, что Роберт теперь не того роста и размера. Поэтому и порцию мяса и картошки он получил самую обычную. Вы и представить себе не можете, какой мизерной кажется человеку наша привычная порция, если он увеличивается в размерах не меньше, чем в четыре раза. Роберт, в общем-то, остался голодным.

Он попросил у Марты ещё хлеба, но Марта решила, что он просто валяет дурака. Она сказала, что ей некогда ходить туда-сюда за хлебом, потому что по дороге на ярмарку к ней обещал заглянуть её приятель лесник, и ей до этого надо было успеть прихорашиваться.

– Может, и нам отправиться на ярмарку? – предложил Роберт.

– Куда это ты пойдёшь в таком обличье? – возразил Сирил.

– А почему бы и нет? – не согласился с ним Роберт. – На ярмарках всегда показывают великанов, ещё даже и побольше, чем я.

– Ну уж нет, больше тебя не бывает, – запротестовал Сирил.

– Ой! – вскрикнула вдруг Джейн, и все начали стучать её по спине, подумав, что она подавилась сливовой косточкой.

– Да никакая это не косточка, – запротестовала Джейн. – Просто мысль пришла в голову. Давайте поведём Роберта на ярмарку и будем там его показывать за деньги.

– Поведёте, как же! – фыркнул Роберт. – Уж скорее это я вас поведу.

Всем мысль отправиться на ярмарку очень даже пришлась по душе. Всем, кроме Роберта. Но и его уломали, пообещав ему двойную долю при дележе вырученных денег. Они вспомнили, что в каретном сарае есть маленькая тележка, в которую запрягают пони. А поскольку им хотелось как можно быстрее попасть на ярмарку, они решили, что Роберт, который мог теперь бежать гигантскими шагами, впряжётся в тележку и всех быстренько туда доставит. Всем такая езда очень понравилась. Кроме Роберта, разумеется, да ещё нескольких встречных прохожих, на которых, как сказала Антея, попросту напал столбняк.

Не доходя до местечка Бенненхёрст, где как раз и проходила ярмарка, Роберт укрылся в чьём-то сарае, а остальные пошли на ярмарку пешком – на разведку.

На ярмарке всё шло своим чередом. Там и карусель была, и тир, и лотерея, в которой разыгрывались кокосовые орехи.

Преодолев желание выиграть кокосовый орех, Сирил с деловым видом подошёл к тиру, где женщина заряжала ружья, из которых предлагалось стрелять по висящим на верёвочках стеклянным бутылкам, служившим мишенью.

– Заходите, заходите, юный джентльмен, – обратилась она к Сирилу. – Всего один пенни за выстрел.

– Нет, спасибо, – отклонил её предложение Сирил. – Мы сюда не развлекаться пришли. У нас есть дело. Кто здесь хозяин?

– Что вы сказали?

– Я спрашиваю, кто хозяин, кто главный, кто владелец этого аттракциона?

– Да вон он, – указала женщина на толстого дядьку в замурзанной льняной куртке, спавшего на самом солнцепёке. – Только я не советую вам будить его. Он ух какой сердитый, а уж в жару-то особенно. Погодите, пока он проснётся, а пока постреляйте.

– У нас к нему важное дело, – продолжал Сирил, – оно сулит ему большие барыши. Он сильно пожалеет, если мы уйдём.

– Ну, коли сулит... – начала было женщина. – А какое дело-то? Может, вы так просто, дурака валяете.

– Великан.

– Да бросьте чепуху молоть.

– Пошли, сами убедитесь, – предложила Антея.

Женщина поглядела на ребят с большим сомнением, потом подозвала довольно замухрышистую девчонку в полосатых чулках и грязноватой юбке и поручила ей последить за «стрельбой в цель». Затем она обернулась к Антее и сказала:

– Пошли побыстрее. Но если это какая-нибудь шутка, то говорите сразу. Я-то сама мягкая, как воск, а вот Билл мой – так рассердится, что мало не покажется.

Антея вела всех к сараю.

– Да нет, – сказала она. – Это и в самом деле настоящий великан. Вообще-то он мальчик и одет так же, как мой брат. Но только он уже великан. Мы подумали, может, вы захотите показывать его на ярмарке и собирать деньги. А из того, что вы нам заплатите, ему мы обещали двойную долю.

Женщина пробормотала в ответ что-то невнятное и крепко взяла Антею за руку, и Антея с тревогой подумала: «А вдруг Роберт куда-нибудь ушёл или, не дай бог, стал опять своего собственного роста!» Когда они подошли к сараю, Сирил громко позвал:

– Роберт!

И Роберт начал понемногу выпрастываться из сена, в котором он, зарывшись, уснул. Сначала на свет появилась его рука, потом нога. Увидев всё это, женщина закричала:

– Ой! Батюшки! Боже мой!

А когда Роберт предстал перед ней в полный рост, она забормотала какие-то уж вовсе непонятные слова. Обретя наконец дар речи, она спросила:

– Сколько вы за него хотите? Ведь для него придётся ставить особую палатку. Ладно ещё, что я знаю, где можно достать подержанную. В ней показывали слонёнка, но он почему-то сдох. Так сколько всё-таки? Видно, он маленечко того, раз вы его водите за собой. Ну, сколько же возьмёте, а?

– Ничего они не возьмут, – твёрдым голосом сказал Роберт. – И я нисколько не «того», может быть, меньше, чем вы. Я пойду с вами и буду показываться сегодня в течение дня, если вы мне дадите... – он поколебался немного, – если дадите мне пятнадцать шиллингов.

– Идёт, – поторопилась согласиться женщина, и Роберт подумал, что он продешевил и что надо бы спросить все тридцать.

– Идём же скорее, познакомишься с моим Биллом и договоришься с ним о цене на целый год. Мы могли бы положить тебе жалованье аж два фунта в неделю. Ну, пошли живее, да сократись ты как-нибудь, ради бога, пока идём к палатке.

Но выглядеть поменьше Роберту никак не удалось. В сопровождении огромной толпы зевак он прошёл по вытоптанному лугу, на котором располагалась ярмарка. Женщина подвела его к самой большой палатке из бывших на ярмарке. Он еле-еле в ней поместился, а женщина отправилась за Биллом.

Когда Билл увидел Роберта, он мог выговорить только:

– Разрази меня на месте!

И Сирил тоже, как и Роберт, догадался, что они запросили слишком мало. Билл протянул Роберту пятнадцать шиллингов, состоявших в основном из шестипенсовиков и некоторого количества медной мелочи.

– Позови Леви, – скомандовал он жене. – Пусть уберёт все эти слоновые фотографии, подметёт хорошенько да пристроит какой-нибудь занавес.

– Ну, парень, – обратился он к Роберту, – считай, что тебе повезло. Твоё счастье, что ты обратился ко мне. А то знавал я таких, что били своих великанов да морили их голодом. Я-то что, я – кроткий, как агнец.

– Никто не посмеет меня бить, – сказал Роберт, глядя сверху вниз на этого «агнца». – Но вот только я очень голоден, дайте мне что-нибудь поесть.

– Слышь, Ребекка, дай ему поесть, неси чего-нибудь побольше и получше.

И ещё до ребят донёсся шёпот:

– Завтра с самого ранья – подпишем договор, чёрным по белому. Ага?

Женщина принесла Роберту всего лишь хлеб и сыр, но голодный Роберт был и этому рад.

А Билл в это время расставлял караул вокруг палатки на случай, если великан вздумает удрать с его пятнадцатью шиллингами.

– Как будто мы жулики! – негодовала Антея.

Билл хорошо знал своё дело. За какие-нибудь полчаса помещение было очищено и перегородено занавесом, а точнее сказать – старым ковром с красными узорами по чёрному полю. За ковром поместили Роберта. Сам Билл, взобравшись на деревянные козлы, стоявшие у входа в павильон, обратился с речью к почтеннейшей публике. Он пояснил, что великан, которого он этой самой почтеннейшей публике собирался представить, не кто иной, как наследный принц королевства Сан-Франциско, изгнанный королём за его любовь к герцогине острова Фиджи. И вот теперь он попросил убежища в Англии, стране, где каждый свободен любить кого захочет. Великолепная эта речь кончалась объявлением, что первые двадцать посетителей заплатят по три пенса за вход – за каждого. Что касается дальнейшего, то цены, вероятнее всего, вырастут, а до какого предела, пока он сказать не может.

Первым посетителем оказался молодой парень, который привёл на ярмарку поразвлечься свою невесту. Считаться с расходами? Да ни в коем случае! Раз его суженая хочет видеть вели-

кана, она его увидит, несмотря на то что все остальные аттракционы стоили только один пенс, а тут целых три с каждого посетителя. Край парусины подняли и пропустили внутрь счастливую парочку. В следующий миг дикий крик долетел до тех, кто толпился снаружи, а Билл хлопнул себя по ляжке.

– Дело сделано, – сказал он, обращаясь к жене.

И в самом деле, этот вопль послужил прекрасной рекламой великану, возбудив любопытство толпы. Девушка появилась бледная и дрожащая. Её обступила толпа людей.

– Ну, какой он? – спросил её стоявший в толпе чиновник.

– Ой!.. Ужасный! Вы просто не поверите, – с придыханием сказала девушка. – Он ростом с дом. И такой свирепый! У меня аж кровь застыла в жилах. Такое увидеть только раз в жизни доведётся, я рада, что не пропустила это удивительное зрелище.

Свирепый вид Роберта можно было объяснить разве что тем, что он изо всех сил старался удержаться от смеха. Но скоро ему стало не до смеха. Целый день люди всё шли и шли, и по одному, и по двое, и по трое. Одни хотели поздороваться с ним за руку, другие тянулись, чтобы похлопать его по плечу, третьи норовили его пощупать, чтобы убедиться, что он – настоящий.

Остальные ребята сидели на скамье, наблюдали происходящее и умирали от скуки. И подумать только, всего пятнадцать шиллингов! Билл заработал уже раз в пять больше. Весть о мальчике-великане с быстротою молнии облетела все окрестности. Торговцы в тележках, господа в экипажах съезжались на ярмарку изблизи и издалёка. Один джентльмен с моноклем в глазу и с жёлтой розой в петлице шёпотом предложил Роберту десять фунтов в неделю и пригласил выступать в Хрустальном дворце. Роберт отказался.

– Не могу, – сказал он. – Бесплезно обещать то, что не сможешь выполнить.

Когда этот господин удалился, Роберт подозвал к себе Сирила и попросил:

– Скажи им, что мне надо передохнуть. И пусть мне дадут чаю.

Ему тут же принесли чай, а снаружи вывесили объявление:

АНТРАКТ НА ПОЛЧАСА.

Великан пьёт чай.

Пока в палатке никого не было, происходило спешное совещание.

– Как я, в конце концов, выберусь отсюда? – тревожился Роберт. – Я всё время об этом думаю.

– А чего тут думать, – ответил Сирил. – Как только солнце сядет и ты станешь опять самим собой, ты просто возьмёшь да и выйдешь отсюда. Они ничего нам не сделают.

Роберт выкатил на него глаза:

– Да ты что! Они попросту прикончат нас! Как только увидят, каким я стал маленьким. Надо что-то придумать. Во всяком случае, перед заходом солнца мы должны остаться в павильоне одни.

– Я знаю, что надо сделать, – сказал Сирил и поспешно вышел из павильона.

Снаружи Билл покуривал свою глиняную трубочку и разговаривал с женой.

– Мы с тобой всё равно что наследство получили, – говорил он вполголоса.

– Послушайте, – обратился к ним Сирил. – Через минуту вы можете опять запускать публику. Великан уже заканчивает своё чаепитие. Но как только солнце сядет, вы должны непременно оставить его одного. В этот час он обычно ведёт себя очень странно. И если он не останется один, я не ручаюсь за последствия. Но через полчаса после захода солнца он опять придёт в себя.

Где-то за полчаса до заката было объявлено, что великан ужинает.

– Теперь, – обратился Сирил к сёстрам, – быстро идите домой. Что? Тележка? Да пёс с ней! Завтра с ней разберёмся. Мы с Робертом одеты одинаково. Так что мы как-нибудь выйдем из положения. Вы будете только путаться под ногами.

Выйдя из павильона, Антея и Джейн сказали Биллу:

– Мы идём домой. Пожалуйста, уж вы не обижайте нашего великана.

Это, как Антея потом заметила, был «бессовестный обман». Но другого выхода у них не было!

Когда они удалились, Сирил подошёл к Биллу:

– Великан просит, чтобы я принёс ему с поля пшеничных колосков. Я за ними сбегая. Зачем? Да кто его разберёт! Я же вам говорил, что он бывает таким странным перед заходом солнца. Да, вот ещё. Он просил немного приподнять парусину сзади павильона, а то ему очень душно. Я прикрою его, чтобы никто не мешал и не подглядывал, а не то он жуть как рассви-репееет, а сам сбегая на поле.

Из старых мешков великану устроили ложе и прикрыли его куском парусины. Оставшись одни, они стали шёпотом обсуждать дальнейший план действий. Ровно через полминуты, как солнце село, мальчик в короткой курточке, проходя мимо Билла, сказал:

– Я побежал за колосьями.

Он быстренько смешался с толпой. В тот же самый момент другой мальчик в короткой курточке выбрался наружу с задней стороны павильона. Он бросил Ребекке, стоявшей там на страже:

– Я побежал за колосьями.

И он также смешался с толпой. У дороги его поджидал Сирил. Оба бегом бросились домой. Они подошли к дому почти одновременно с сёстрами. Дорога была длинной, девочки её всю прошли, а мальчишки пробежали. Сколь длинна была эта дорога, они особенно почувствовали на следующий день, когда им пришлось волоочь назад тележку.

* * *

Что говорили Билл и Ребекка, когда обнаружили, что великан исчез, я сказать не могу. Потому что я этого не знаю.

Глава девятая

Совсем взрослый

Сирил как-то заметил, что в жизни очень часто случаются такие обстоятельства, когда чрезвычайно важно, чтобы кто-то выполнил твоё желание. Эта мысль не давала ему покоя, когда он проснулся рано утром ровно через день после случившегося с Робертом. Накануне весь день ушёл на то, чтобы притащить домой тележку из местечка Бенненхёрст.

Сирил наскоро оделся, ванну принимать не стал, потому что дачная жестяная ванна жуть как гремит, а ему не хотелось разбудить Роберта. Он выскочил из дому один и направился прямёхонько к песчаному карьере. Он осторожненько откопал Саммиэда и первым делом спросил, не простудился ли он оттого, что в тот день Роберт дотронулся до него мокрыми руками. Саммиэд в это утро пребывал в хорошем расположении духа.

– Ну что? – сказал он. – Ты в такую рань явился, чтобы попросить что-нибудь для себя лично? Я тебе от души советую, попроси хорошенького жирненького мегатерия. И дело с концом.

– Спасибо, но только не сегодня, – сказал Сирил. – Я вот о чём хотел попросить: нельзя ли сделать так, чтобы наши желания исполнялись, когда мы их придумаем и в том месте, где мы будем в этот момент находиться. Ну... так, чтобы нам каждый раз тебя не беспокоить?

– И всё опять кончится тем, что вы пожелаете какую-нибудь ерунду вроде твоего осаждённого замка.

Саммиэд потянулся и зевнул.

– Так уж повелось с тех пор, как люди перестали употреблять здоровую пищу. Впрочем, пусть будет по-твоему. А теперь – пока.

– До свидания, – вежливо попрощался с ним Сирил.

После завтрака все отправились в лес за орехами. Будучи в хорошем настроении, Сирил даже согласился нести Ягнёнка до самого леса. По дороге Сирилу удалось убедить остальных не высказывать никаких желаний, пока им не придёт в голову что-нибудь действительно стоящее. Придя в лес, они расположились на мягкой травке под раскидистым каштаном. Настроение у всех было умиротворённое, только Сирил время от времени мрачновато поглядывал на свои часы, которые Ягнёнок своими толстыми ручонками разломал на днях и теперь ковырял землю крышкой от часов, как совочком.

– Не сердись на него, – сказала Антея. – Он ведь растёт день ото дня. Ты ведь растёшь, солнышко? – обратилась она к Ягнёнку.

– Ласту, – весело отозвался Ягнёнок. – Выласту болсой, и будет лузье и... и... мыски...

На этом слова у него иссякли. Но всё равно это была самая длинная речь, какую он до сих пор произнёс.

Все пришли в полный восторг, включая и Сирила. Он опрокинул малыша на спину и стал возиться с ним под радостные повизгивания маленького братишки.

– Да, когда-нибудь он станет совсем взрослым, – мечтательно произнесла Антея, глядя на небо, которое голубело сквозь узорчатую листву каштана. И в это самое время расшалившийся Ягнёнок лягнул своей ножкой Сирила в грудь. Раздался треск разбиваемого стекла. Это разлетелось стекло старинных папиных часов, которые Сирил взял, естественно, без спросу.

– Как же, вырастет он, – сердито пробубнил Сирил. – Дождись! Как бы я хотел...

– Замолчи! – закричала Антея. Но было уже поздно.

– ...чтобы он вырос прямо сейчас, – договорил Сирил.

Верный Саммиэд не нарушил своего обещания.

И тут же все, ужасаясь, увидели, как Ягнёнок стал расти у них на глазах. О, происходило нечто ужасное! Сначала изменилось его личико. Оно вытянулось, на лбу появилось несколько

морщинок, глаза потемнели и сделались глубоко посаженными. А самое чудовищное было то, что на верхней губе появились чёрные усики. Это при том, что какое-то время тельце оставалось как у двухлетнего ребёнка.

– Пусть так не будет, не надо, не надо! – кричала Антея. – Мальчики, да желайте же и вы, чтобы так не было!

Мальчики так и сделали. Но они не были услышаны. И когда всё перестало колебаться и лес перестал кружиться у них перед глазами, они увидели перед собой вполне приличного молодого человека во фланелевом костюме и соломенной шляпе. Над губой у него чернели те же самые усики, которые было украсили верхнюю губку Ягнёнка. Молодой человек сделал несколько грациозных шагов и прислонился спиной к каштановому стволу. Он надвинул шляпу на глаза и вообще казался утомлённым. Он потихоньку опустил на траву и готов был заснуть. В точности как их маленький, сладенький, любимый Ягнёнок, он имел обыкновение внезапно засыпать в самых неожиданных местах в непредсказуемое время. И что же? Это он, их Ягнёнок? О боже мой! Пospел ли его разум вслед за ростом?

– В любом случае всё это ужасно! – сказала Антея. – Если он и мозгами повзрослел, то он нас и слушать не станет. А если он внутри остался ребёнком, то как нам с таким верзилой управиться? Через несколько минут наступит обеденное время, надо возвращаться домой.

– И орехов мы не набрали, – огорчённо заметила Джейн.

– Да пёс с ними, с орехами! – оборвал её Роберт. – Обед – это другое дело. Может, нам привязать его к дереву и быстренько сбежать пообедать?

– Как раз! – фыркнул Сирил. – Марта нам такой обед покажет, если мы придём без Ягнёнка! Но и ничего хорошего не будет, если мы его такого приведём домой. Я, я виноват, я это знаю. Последняя я скотина. Но только вот вопрос, что же нам всё-таки с ним делать?

– Давайте разбудим его, – предложил Роберт, – и поглядим, что он станет говорить. Может, он сам отведёт нас в Мейдстоун и предложит пообедать. Вон у него как оттопыриваются карманы. Наверно, там полно денег. Пообедать-то в любом случае необходимо.

Они устроили жеребьёвку черенками росшего рядом папоротника. Будить взрослого Ягнёнка досталось Джейн. Она отломила веточку жимолости и стала легонько щекотать его по щеке.

– Ох уж эти мухи! – проговорил он спросонок и открыл глаза.

– Вы всё ещё здесь, детишки? – произнёс он лениво. – Вам, наверно, давно пора обедать. Бегите, а то прозеваеете обед.

– Прозеваем, – мрачно подтвердил Роберт.

– Ну так чешите домой, – скомандовал взрослый Ягнёнок.

– А как же ты? – спросила заботливая Антея.

– Скажите-ка, до станции отсюда далеко? Я, пожалуй, смотаюсь в город и пообедаю в клубе.

Всех четверых охватил ужас. Как? Ягнёнок – один! – поедет в город и будет обедать в клубе? А может, он протянет время и до чая. И может, его в этом шикарном клубе застанет закат! И вот маленький беспомощный ребёнок окажется рядом с ничего не понимающими официантами, будет плакать и звать: «Где моя Панти?»

Чуть не плача, Антея воскликнула:

– Ягнёночек, милый, этого нельзя допустить!

Взрослый Ягнёнок нахмурился.

– Дорогая Антея, сколько раз тебе говорить, что мне при крещении были даны имена Хилэри Ричард и что любое из этих имён пригодно для употребления моим маленьким братьям и сёстрам, а не дурацкий «Ягнёнок», пережиток далёкого детства.

Это было ужасно. Значит, теперь старший брат – это он!

Антея решила прибегнуть к хитрости – ведь другого выхода не было.

– Хилэри, дорогой, – начала она. – Ты ведь знаешь, папа просил тебя не уезжать в Лондон и не оставлять нас одних без присмотра.

– Послушай, – обратился к нему Роберт, не в силах произнести ни «Хилэри», ни «Ричард», – раз уж ты теперь старший брат, почему бы тебе о нас не позаботиться. Отвёл бы ты нас в Мейдстоун, покормил бы обедом в трактире, а потом мы весело провели бы время на реке!

– Бесконечно благодарен вам за предложение, – сказал «старший» брат. – Но я предпочёл бы провести время в одиночестве. Поспешите-ка домой к обеду. Я, возможно, вернусь к чаю. А может, доберусь до дому, когда вы уже уляжетесь в постели.

Господи! Что же делать?

Антея вдруг усмотрела, что с другой стороны большого каштана стоит велосипед. Ясное дело, раз Ягнёнок стал взрослым, то у него должен быть велосипед! Она быстренько отколола булавку, которая скалывала блузку с юбкой, и незаметно протянула её Роберту. Юбка тут же начала сползать, но дело было, в конце концов, не в этом. Роберт с независимым видом подошёл к велосипеду и проткнул шины в одиннадцать мест.

– Гляди-ка, – сказал Роберт, – у тебя спустили колёса.

– И в самом деле! – присоединился к нему Сирил.

– У тебя прокололась шина, посмотри, – сказала Антея, показывая ему заранее заготовленный шип терновника.

Взрослый Ягнёнок, или, скорее, Хилэри, как его теперь следовало называть, пристроил насос к велосипедному колесу и попробовал его надуть. Вскоре то, что это был прокол, – подтвердилось.

– Где-нибудь тут есть какое-нибудь жильё, где бы можно было бы попросить ведёрко с водой? – спросил Ягнёнок, или, опять же, Хилэри.

Небольшой коттедж обнаружился совсем неподалёку. В ведёрке с водой сразу же выяснилось несметное количество проколов.

К великой своей радости, ребята прочли у дверей коттеджа объявление: «Здесь подают чай для велосипедистов». Хозяин предложил им чай и бутерброды с беконом, что, конечно, к чаю не очень-то подходило. Но, так или иначе, они хотя бы были сыты. Заплатить за чай пришлось из тех пятнадцати шиллингов, которые получил Роберт, работая великаном. У господина Хилэри, к их великому разочарованию, денег не оказалось.

Ребята по очереди пытались упротить «старшего» брата провести с ними остаток дня в лесочке. Правда, и день-то уже стал клониться к вечеру, когда тот кончил заклеивать последний, восемнадцатый прокол. Он поднял голову от своей благополучно завершённой работы, вздохнул с облегчением и вдруг приосанился и поправил на шее галстук.

– К нам приближается на велосипеде юная леди. А ну-ка, брысь отсюда, я вовсе не хочу, чтобы она увидела меня в окружении целой стаи замурзанных ребятишек.

Да, теперь он называл их «замурзанными». А не хотел бы он вспомнить, как утром, ещё будучи Ягнёнком, он расшалился и швырялся в них комьями грязи!

Но голос взрослого Ягнёнка звучал так категорично, что дети быстренько отступили на задний двор. «Он командовал нами, как тиран», – говорила впоследствии Джейн.

Девушка подвела велосипед к воротам. Хилэри почтительно приподнял шляпу.

– У вас прокол? – спросил он девушку, придав своему голосу всю приятность, на какую был способен. – Не могу ли я быть вам в чём-нибудь полезен?

На заднем дворе неподалёку от свиного корыта послышался взрыв с трудом подавляемого смеха.

Взрослый Ягнёнок (он же Хилэри, он же Ричард) бросил сердитый взгляд в том направлении.

– Вы очень добры, – откликнулась девуш-ка.

Она казалась слегка смущённой и в общем-то производила вполне приятное впечатление.

Ягнёнок (надо не забывать, что он теперь зовётся Хилэри Ричард) склонился над велосипедом девушки. Он разговаривал с ней совсем как взрослый. Никто никогда и предположить бы не смог, что только сегодня с утра он был двухлетним карапузом, который копает песочек крышкой от карманных часов!

Ягнёнок, то есть Хилэри, благополучно справился с починкой велосипеда своей новой знакомой и заговорил ласковым голосом:

– Если вы мне позволите, я провожу вас до перекрёстка, надвигается вечер, и никогда не знаешь, на какого бродягу можно напороться на дороге.

Осталось неизвестным, что бы ответила девушка на это галантное предложение, потому что Антея, едва услышав его, бросилась бегом из своего укрытия, опрокидывая свиное корыто и разливая помой, схватила «старшего» брата за руку. Остальные тут же последовали за ней, и вот перед взором удивлённой девушки предстали четверо чумазных ребятишек.

– Не соглашайтесь! – взволнованно прокричала Антея. – Ему никак нельзя ехать с вами!

– Убирайся, девчонка! – рявкнул Ягнёнок-Хилэри. – Сейчас же отправляйся домой!

– Вам лучше не иметь с ним никакого дела, – торопливо продолжала расхраб्रившаяся Антея. – Он сам не знает, кто он такой. Он вовсе не тот, каким кажется.

– Что вы имеете в виду? – растерянно спрашивала девушка, в то время как Хилэри (куда денешься, приходится называть его так) безуспешно пытался оттолкнуть Антею. Но она стояла, как скала, а остальные поддерживали её изо всех сил.

– Возьмите его с собой, возьмите, вы очень скоро поймёте, что я имела в виду, когда с вами рядом окажется беспомощный малыш, который тут же и кувырнётся с велосипеда!

– Кто эти чумазные дети? – спросила девушка, заметно побледнев.

– Не знаю, – быстренько отрёкся от них Ягнёнок-Хилэри.

– Ягнёночек, как не стыдно! – воскликнула Джейн. – Ты же прекрасно знаешь, что ты наш маленький братишка, которого мы все так любим!

– Понимаете, мы его старшие братья и сёстры, – обратилась Джейн к девушке, которая дрожащими руками поворачивала свой велосипед к калитке, – мама велела нам за ним присматривать, и мы должны до захода солнца отвести его домой. Он сейчас вроде как бы зачарованный... ну... заколдованный, понимаете?

Ягнёнок-Хилэри пытался прервать красноречие Джейн, но Роберт и Сирил крепко держали его за ноги, так что бедняге в такой позиции трудно было что-либо девушке сказать. Она быстренько укатила на своём велосипеде, а дома с ужасом рассказывала, как она едва спаслась от целого семейства опасных психов.

Когда она на своём велосипеде скрылась из виду, Сирил с серьёзной миной произнёс:

– Хилэри, дружище, видно, тебя хватил солнечный удар. И чего только ты не наплёл этой девушке! Если мы тебе завтра напомним, ты остолбенеешь. Пошли-ка лучше домой. А если ты к завтрашнему утру не поправишься, то мы попросим молочника позвать доктора.

Бедный Ягнёнок-Хилэри растерялся от всех этих непонятностей и даже не имел силы возражать.

– Хорошо, – сказал он, – раз у вас у всех мозги помутились, лучше мне и в самом деле отвести вас домой. А завтра утром я с вами ещё разберусь!

– Конечно, конечно, разберёшься, – быстренько согласилась Антея. – Только будет совсем не то, что тебе теперь кажется, – тихонько пробормотала она.

В мягких вечерних сумерках довольно мрачная компания шагала в сторону дома. Велосипед пришлось вести за руль, на нём нельзя было ехать: во время всех разговоров Роберт снова сумел в нескольких местах проткнуть колёса. Когда они подошли к своему белому домику, стало ясно, что солнце вот-вот закатится за горизонт. Четверо старших хотели чуть-чуть подзадержаться на лугу перед домом, чтобы Ягнёнок успел стать таким, как он и должен быть. Но

взрослый Ягнёнок-Хилэри строго потребовал, чтобы они шли прямо домой. Ну, и ясное дело – они наткнулись на Марту.

Вы, разумеется, помните, что по просьбе детей Саммиэд сделал так, что слуги ничего не замечали из тех изменений, которые происходили в результате выполненных им ребячьих желаний. Поэтому она увидела знакомую компанию и малыша, топавшего на своих толстенных ножках рядом с Антеей. Она уже начала было сильно о нём тревожиться, а увидев целым и невредимым, кинулась к нему и схватила его на руки.

– Иди скорее к своей Марте, солнышко моё, – приговаривала она.

Взрослый Ягнёнок оказал яростное сопротивление. Неподдельный ужас отразился на его лице. Но с Мартой не забалуешь. Она была сильнее его и, подняв на руки, тут же потащила в дом. Незабываемая это была картина: молодой человек, в модном фланелевом костюме, с зелёным галстуком и чёрненькими усиками над верхней губой, в объятиях Марты, которая тащит его, приговаривая: «Сейчас я своему хорошему мальчику дам вкусенького...» К счастью, солнце закатилось, когда они ступили на порог, и в дом Марта внесла маленького, милого, сонного двухлетнего Ягнёнка. Взрослый Ягнёнок канул в вечность.

– Исчез навсегда, – сказал Сирил. – Потому что, когда Ягнёнок хоть немного подрастёт, мы возьмём его в ежовые рукавицы, чтобы он не вырос таким, как этот, сегодняшний.

– Какие ещё там «ежовые рукавицы»? – возмутилась Антея. – Я вам не позволю его обижать.

– Его надо воспитывать лаской, – заметила Джейн.

– Дело в том, – рассудительно проговорил Роберт, – что он сегодня сделался взрослым так внезапно. Когда он будет расти постепенно, то у него будет достаточно времени, чтобы сделаться хорошим. А если что не так – у нас будет прекрасная возможность его исправить.

– Нечего там исправлять, – отрезала Антея, до чьего слуха из соседней комнаты донеслось: «А я люблю Панти... Я хотю к Панти на лючки...»

Глава десятая

Скальпы

Возможно, день сложился бы более удачно, не влипши Сирил в «Последнего из могикан». Он даже за завтраком продолжал читать, не отрываясь, и, налив себе третью чашку чаю, мечтательно произнёс:

– Хотелось бы мне, чтобы и в Англии встречались краснокожие индейцы. Не очень большие, а такие, с которыми мы могли бы сражаться.

Никто особенно не поддержал его в этом желании, да и значения его словам тоже никто не придавал. Но когда они отправились в песчаный карьер, чтобы наконец высказать разумное желание – попросить сто фунтов монетами по два шиллинга и чтобы на каждой монете была голова королевы Виктории – во избежание ошибок и кривотолков, – оказалось, что – увы! – они снова попали впросак!

Саммиэд был зол и к тому же казался сонным.

– Отстаньте же от меня, наконец, – сказал он. – Я уже выполнил сегодняшнее ваше желание.

– Но мы ничего не успели пожелать, – удивился Сирил. – Мы ведь только что пришли.

– Да? – продолжал сердиться Саммиэд. – А ты забыл, ты просил меня, чтобы ваши желания исполнялись, где бы вы ни оказались. И сегодня утром высказанное тобой желание было исполнено.

– Какое же это было желание? – недоумевал Роберт.

– Уже забыли? Ну ничего, скоро узнаете. Радуйтесь – вы снова удумали очередную дурость!

– Как всегда, – печально вздохнула Джейн.

Самое странное заключалось в том, что никто ни о каком высказанном за это утро желании не мог вспомнить. Мысль о краснокожих индейцах ни у кого не застряла в голове. До самого обеда дети жили в тревоге, потому что Саммиэд намекал на какое-то дурацкое желание, а это могло означать только одно – их ждут неприятности.

Когда Марта позвала их обедать, возле стола Джейн вдруг споткнулась о валявшуюся на полу раскрытую книжку. Это был «Последний из могикан». Антея помогла сестре подняться, а заодно подняла и книжку.

– Я знаю! – вдруг воскликнула Антея и в испуге опустилась прямо на коврик. – Ах, Киса, – сказала она, чуть не плача. – Какой ужас! Это он... Сирил... ну, помнишь? Он пожелал, чтобы в Англии были краснокожие индейцы. Так они уже, конечно, здесь и наверняка уже снимают с людей скальпы.

– Ну, может, они в Англии, но где-нибудь далеко-далеко от нас, – попыталась успокоить её Джейн.

– И не надейся! – возразила Антея. – Саммиэд сказал же, что мы придумали очередную дурость. «Радуйтесь», – сказал он. Помнишь? А это означает, что они вот-вот появятся здесь. О боже мой! Вдруг они вздумают скальпировать Ягнёнка?

– А может быть, после захода солнца всё опять вернётся на прежние места? – с надеждой произнесла Джейн.

– Нет, этого никак не может быть. После заката исчезает только то, что мы пожелали. А что в результате вышло – остаётся. Вспомни про пятнадцать шиллингов. Ох, Киса, я должна кое-что разбить. А ты к тому же, пожалуйста, отдай мне все свои деньги. Мне это очень нужно. Индейцы обязательно появятся тут. Разве тебе это не ясно? Ведь этот противный Саммиэд как раз на это и намекал. Понимаешь, что я придумала сделать?

Джейн ничего не поняла, но послушно последовала за сестрой в мамину спальню. Там Антея схватила тяжёлый кувшин, на котором были изображены аисты на зелёной траве. Притащив кувшин в ванную комнату, она вылила воду в ванну, вернулась в мамину спальню и изо всех сил хрястнула кувшин об пол. Вы сами знаете, как моментально кувшин разбивается, если уронить его нечаянно. Но когда вы решите его разбить сами, тогда он ни за что не захочет разбиваться. Антея уронила кувшин три раза, а он всё оставался целёхонек. Тогда она принесла папину сапожную колодку и разнесла кувшин на черепки. Скверное это было дело!

Затем она схватила стоявшую у камина кочергу и разломала копилку миссионерского общества. Джейн пришла в ужас от этих её поступков, но Антея, поджав губы, сказала:

– Не будь дурочкой. Дело идёт о жизни и смерти.

В миссионерской копилке оказалось совсем немного денег: всего семь шиллингов и четыре пенса. И четыре шиллинга без малого составили капиталы обеих сестёр. Таким образом получилось одиннадцать шиллингов. Антея завязала деньги в уголок носового платка.

– Пошли, Джейн! – скомандовала она.

Девочки побежали на ближайшую ферму. Им было известно, что после обеда хозяин собирался ехать в Рочестер. Они ещё раньше договорились с ним, что он захватит всех четверых с собой, и обещали заплатить ему по два шиллинга с носа. Это было ещё тогда, когда они надеялись, что Саммиэд обеспечит их сотней фунтов в серебряных монетах по два шиллинга. Но теперь Антея сбивчиво объяснила ему, что они поехать не смогут, а пусть он лучше возьмёт с собой Марту и Ягнёнка. Фермер согласился, но без большой охоты. Ему было мало радости получить четыре шиллинга вместо восьми.

Оттуда девочки быстренько вернулись домой. Антея достала из ящика хорошенькую шкатулочку и пошла отыскивать Марту. Марта в столовой стелила на стол скатерть и была не в лучшем расположении духа.

– Знаешь что, – сказала Антея, – я разбила мамин кувшин.

– Очень на тебя похоже, – пробурчала Марта, со стуком ставя солонку на обеденный стол. – Вечно какие-нибудь безобразия.

– Марта, милая, не сердись, пожалуйста, – умильно попросила Антея. – У меня есть деньги на новый кувшин. Пожалуйста, будь другом, съезди за ним в город. Ведь там у твоей двоюродной сестры как раз посудная лавка, да? И надо бы съездить сегодня, а то вдруг мама завтра вернётся? Она же писала, что скоро собирается домой.

– Но вы же сами надумали ехать в город, – заметила Марта.

– Теперь мы не сможем – из-за кувшина. У нас денег не хватит.

– Знаю я, к чему вся эта затея, – сказала Марта. – Хотите сбыть Ягнёнка с рук на весь остаток дня. Вижу я вас насквозь.

Это было и на самом деле так. Но Марта не должна была знать, по какой причине. Поэтому Антея сдержалась и не стала возражать. Марта хлопнула на стол корзинку с хлебом, так что ломтики хлеба в ней подскочили.

– Ну уж ладно, – в конце концов согласилась Марта. – Только чур не бедокурить, пока меня не будет дома.

Когда Марта с Ягнёнком, одетые в самые лучшие одежды, удалились, Антея облегчённо вздохнула.

– Слава богу, хоть Ягнёнок будет в безопасности, – проговорила она.

– Глупости это всё, – сказал Сирил. – Раньше, чем я сказал про индейцев, Джейн пожелала хорошей погоды. Поглядите-ка, какой сегодня денёк!.. Ой-ой!

Он повернулся к окну, чтобы указать всем, какая чудесная стояла погода. И все повернулись вслед за ним. И все тут же точно остолбенели. В углу окна, среди листьев дикого винограда показалось лицо: темнокожее, с длинным носом, тонкими губами и чёрными глазами. Лицо

было раскрашено разноцветными полосами, свисавшие по бокам чёрные прямые волосы были утыканы перьями. Через некоторое время лицо в окне исчезло. Дети с трудом пришли в себя.

– Ну вот, – сказала Антея. – Я же вам говорила!

Все спешно побежали вверх, чтобы осмотреть окрестности и сообща решить, что же им предпринять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.